

№1

Январь 2020

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 14

**ХМЕЛИТА –
РОДОВАЯ УСАДЬБА
ГРИБОЕДОВЫХ**

225

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№1
(171)
Январь 2020

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 6 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 8 РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА В ГРУЗИИ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 10 ПЕЩЕРА СО СВЯТЫМИ ДАРАМИ
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 14 ХМЕЛИТА – РОДОВАЯ УСАДЬБА ГРИБОЕДОВЫХ
ВИКТОР КУЛАКОВ, АЛЕКСАНДР МАКСИМОВ
- 18 ЗАБЫТЫЙ ХУДОЖНИК: ГЕОРГ КОРРАДИНИ
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 ЮБИЛЕЙ АНДРО ЕНУКИДЗЕ
- 31 ЮБИЛЕЙ АЛЛЫ МАМОНТОВОЙ
- 32 «КОЛОКОЛЬЧИКИ И ЗАКЛИНАНИЯ» ТБИЛИССКОГО «САЧУКАРИ»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 37 НАЧАЛО НАЧАЛ
- 42 ИСТИННЫЙ КАВКАЗЕЦ: АРНОЛЬД ЛЬВОВИЧ ЗИССЕРМАН
КОНСТАНТИН ЗИССЕРМАН, НИНЕЛЬ МЕЛКАДЗЕ
- 51 ПОСЛАНИЕ БУДУЩЕМУ ПОКОЛЕНИЮ
ЛИЯ БУАДЗЕ

На обложке – ПАМЯТНИК А.С. ГРИБОЕДОВУ В ТБИЛИСИ.
Скульптор М. Мерабишвили

ТРАДИЦИОННОЕ
РОЖДЕСТВЕНСКОЕ
ШЕСТВИЕ «АЛИЛО»
ПРОШЛО ПО
ЦЕНТРАЛЬНЫМ
УЛИЦАМ
НОВОГОДНЕГО
ТБИЛИСИ

Фоторепортаж Александра СВАТИКОВА

от а до я

Роб АВАДЯЕВ

ВЕЛИКАЯ УЛАНОВА

Когда называют по имени Леонардо и Микеланджело, то понимают, что речь идет о двух великих художниках, когда говорят по имени Пол и Джон, то понятно, что это, участники рок-ансамбля Битлз, а когда говорят о балете и называют два имени Анна и Галина, то это разумеется, о двух самых прославленных в истории танцовщицах Павловой и Улановой. 26 января исполняется 110 лет со дня рождения великой русской балерины Галины Сергеевны Улановой.

Она стала легендой еще при жизни и была признана самой титулованной балериной за всю историю советского балета. Урожденная петербурженка из балетной семьи, она училась в знаменитом Петроградском театральном училище, где ее педагогом стала сама Агрипина Ваганова. А после было «два раза по шестнадцать лет», как говорила Галина Сергеевна, то есть шестнадцать лет в Ленинградском Кировском балете и шестнадцать лет в Большом театре. В столицу перебраться Уланова не хотела и позднее говорила: «В Москву я никогда бы не переехала, да так власти распорядились, чуть ли не решение ЦК по этому поводу приняли». Самые знаменитые роли Улановой в балетах «Жизель», «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Золушка», «Ромео и Джульетта», «Красный мак». А в 1956 году состоялись ее первые гастролы в Лондоне. Такого успеха там не видели со времен знаменитой предшественницы Улановой Анны Павловой. Закончила карьеру танцовщицы Галина Сергеевна в самом начале шестидесятых и продолжила деятельность балетного педагога. Она воспитала целую плеяду прекрасных танцовщиков – Екатерину Максимову и Владимира Васильева, Нину Тимофееву, Малику Сабирову, Людмилу Семеняку, Нину Семизорову и многих-многих других. Работала также с солистами Парижской оперы и Гамбургского балета, танцорами из Швеции, Австралии и Японии. В памяти Уланова останется великой балериной не только своей техникой, но и потрясающим артистизмом. Говорят, что если бы она не стала танцовщицей, то стала бы драматической актрисой. Одна ее коллега по Большому театру как-то сказала о Улановой: «Мы все здесь талантливые и хорошие балерины, а Гая – гений!»

БЕСПУТНЫЙ АББАТ

История иногда сохраняет память о самых неожиданных персонажах, и людям они бывают подчас интереснее всевозможных «солидных и уважаемых» героев, вроде монархов, военачальников, ученых, философов или художников, прославившихся разными великими деяниями. И жгучий интерес, особенно у прекрасного пола, вызывают любвеобильные повесы, ведущие счет своих побед на сотни и тысячи «жертв». Все помнят легендарного «Севильского проказника» Дона Жуана, кстати, вовсе не выдуманного литературного героя. История любезно сохранила нам его имя – Дон Хуан Тенорио, сын благородного идадьго дон Луиса. Он был другом короля Педро I и, судя по всему, был абсолютным «отморозком», за что и поплатился, став жертвой не мистической статуи Командора, а вполне реальных оскорбленных родственников обиженной им дамы. Но среди его последователей встречались и весьма одаренные люди, например, донжуан XVIII века Джакомо Казанова, оставивший чудесные мемуары о своих похождениях и о людях своего времени. Но двумя веками раньше в прекрасной солнечной Франции жил его коллега по писательскому труду и увлечению женским полом Пьер де Бурдейль, известный нам под именем аббат Брантом. Да-да, автор весьма фривольных «Галантных дам». Его несчастную родину тогда раздирали жесточайшие религиозные войны между католиками и протестантами. И выходец из старинного аквитанского аристократического рода принимал в них самое активное участие. Он вообще отличался непоседливым нравом: где он только не побывал – в Италии, в Шотландии, на Мальте, в Испании с Португалией и даже в Северной Африке. Кому де Бурдейль только не служил – старшему Гизу и даже стал свидетелем

его гибели, будущему королю Генриху III и его брату Франсуа Анжуйскому. Встречался и даже дружил с другими историческими личностями – Екатериной Медичи и ее дочерью королевой Марго, а также пользовался расположением юной Марии Стюарт. А однажды в его имение пожаловали адмирал Колиньи с юным Генрихом Наваррским со всем протестантским войском. Естественно, предполагался погром цветущего аббатства, но Пьер, как гостеприимный хозяин, их попросту пригласил к обеду – и все остались довольны, а аббатство не было разграблено. При дворе Брантома очень любили, как приятного собеседника и остроумного рассказчика. А дамы были без ума от манер этого галантного ухажера. Пьер де Бурдейль никогда не называл имен своих прекрасных дам, ревностно оберегая их честь. В его книгах они остались под псевдонимами. А еще Брантом оказался невероятно непрактичным, находясь полжизни при дворе и «на глазах» у сильных мира сего, к нему чудесно относящихся, он не разбогател и не получил никакого дохода. Ему была достаточна только их симпатия и щедрая похвала. А они пользовались его верностью, купленной такой дешевой ценой. Когда же его постигло несчастье – он упал с лошади и повредил спину – его тут же позабыли. Зато человечество получило бесценный дар, гениального писателя. Брантом, прикованный к постели и изнывавший от скуки, принялся писать книги. Прекрасные книги, с живым веселым языком, повествующие о «дамах былых времен» и не только. Из рассказанных там анекдотов и сплетен черпали свои сюжеты и Мериме с Дюма, и Бальзак с де Террайлем, и Цвейг с Генрихом Манном. Ибо прижизненная слава также его миновала. Брантом стал известен только после смерти. Так почему же этот сугубо светский и весьма легкомысленный человек был аббатом, то есть настоятелем монастыря? Да просто в те времена короли жаловали за службу не только замки и земли, но и целые монастыри с обширными владениями. Естественно, религиозными вопросами в таких аббатствах занимались совсем другие люди, а светские владельцы только именовались аббатами. Вот и семья де Бурдейль владела монастырем и замком, чего хватало только на то, чтобы совсем не обеднеть. Кстати, по завещанию Брантома, его замок Ришмон нельзя ни продать, ни разрушить – он должен оставаться в семье. И, представьте себе, остался до сих пор. Там живут потомки его племянников, у самого Брантома детей не было.

ЮБИЛЕЙ НИНО РАМИШВИЛИ

В январе этого года вся грузинская общественность отмечает знаменитую дату – 110 лет со дня рождения великой грузинской танцовщицы, балетмейстера и хореографа Нино Рамишвили. Она родилась в Тбилиси 19 января 1910 г.. Хотя некоторые источники называют местом ее рождения Баку, что ни для самой Нино Шалвовны, ни для всех ее знакомых никогда не имело никакого значения. С самого раннего детства она, как настоящая грузинская девочка, прекрасно танцевала. Но делала это настолько умело и не по-детски, что родители отдали Нино для обучения в Государственную балетную школу в класс Марии Перини – солистки грузинского балета и известного балетного педагога итальянского происхождения. Так она получила классическое хореографическое образование, что стало основой ее творчества. По окончании школы Нино была принята в театр, где сначала танцевала в кордебалете, а совсем скоро исполняла сольные партии, и стала одной из ведущих звезд. Но времена тогда были непростые и опасные – шел страшный 37-й год, и Нино Рамишвили из-за доноса была вынуждена покинуть театр и начала работать в филармонии, где и соединилась в дуэте со своим мужем – гениальным

мастером грузинского народного танца Илико Сухишвили. Именно в то время и произошла встреча с Иосифом Сталиным. Во время концерта в Кремле, посвященном Декаде грузинской культуры, она исполнила с мужем прекрасный танец, и вождь народов был доволен. А потом подошел к ним со словами благодарности, но узнав фамилию Нино, такую же, как у бывшего вице-президента республиканской Грузии, спросил: «Ваша фамилия Рамишвили? А у нас разве еще не все меньшевики арестованы?» Повисла пауза, Нино была в ужасе, ожидая немедленного ареста. Но Сталин только усмехнулся, потрепал по плечу стоящего рядом с женой Илико Сухишвили, которому всегда выражал свою благосклонность, как танцору и как своему земляку-горийцу, и прошел дальше. На

этом неприятная история и закончилась. Нино и Илико оставили в покое, позволив работать сначала в джазе Утесова, потом в ансамбле песни и пляски НКВД, а после войны создать свой собственный танцевальный коллектив. Там они и проработали всю оставшуюся жизнь. Этот легендарный ансамбль прославил грузинское искусство на весь мир, и более двадцати пяти лет Нино – его художественный руководитель выходила на сцену, как солистка. А в период репетиций она создавала с мужем уникальный репертуар, состоящий из народных танцев всех областей Грузии. В 1968 году их балет стал первым ансамблем народного танца, который выступил на знаменитой сцене Ла Скала в Милане. Танцоров вызывали на бис четырнадцать раз, так был побит своеобразный рекорд великого Карузо, которого вызывали лишь одиннадцать. И это был далеко не единственный триумф Нино и Илико с их коллегами. Ансамбль, созданный танцевальным гением супружеской пары Рамишвили и Сухишвили и поныне существует и процветает, ибо искусство вечно.

Эйфелев мост в Бакуриани

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА В ГРУЗИИ

Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

Новый год – время красочных фестивалей и концертов, а новогодние выпуски новостей пестрят репортажами о том, как отечественные знаменитости готовят гозинаки или как зажигают праздничную елку в Тбилиси, что, конечно, интересно. Но, честно говоря, мне хотелось подготовить материал, который по содержанию отличался бы от общепринятых клише. Именно когда я искала тему для статьи, неожиданно на глаза попался блог под названием «Рождественская сказка в Грузии».

Этот блог, опубликованный на страничках социальной сети Фейсбук, так привлек мое внимание, что я не могла оторваться от него. Повествование в нем велось не о том, как мы традиционно встречаем Новый год, а о том, как могли бы его встречать и привлекать в Грузию огромное количество иностранных туристов, если бы осуществили замысел автора этого поста. А автором данного блога является вовсе не отвлеченный мечтатель, парящий в облаках, а человек, привыкший

работать с цифрами, который делает выводы строго опираясь на конкретные факты. Зовут его Георгий Брегадзе, он начальник управления исследований и планирования Национальной администрации туризма Грузии. Дочитав блог до конца, я подумала, что не могу вот так просто пройти мимо этой информации, и должна ознакомить с ней читателей нашего журнала. Уж очень хочется, чтобы идея, увидевшая свет на страничке социальной сети, воплотилась в жизнь.

Предоставим слово **Георгию Брегадзе**: «Знаешь что, лучше тебе в Грузию приехать все-таки летом, больше возможностей для развлечения», – уже в который раз услышал я эту фразу от друзей, когда они беседовали с иностранцами. Ведь в Грузии Новый год, по сравнению с Европой, такой скучный – никаких Рождественских ярмарок (существующая в Тбилиси ярмарка очень далека от европейских стандартов), праздников, красиво оформленных декораций и скидок. В нашей стране Новый год часто ассоциируется с одним днем – 31 декабря: за-

столье, полночь – шум, пир на всю ночь, весь второй день сон, и все возвращается на круги своя. Все так однообразно и надоедливо. И это при том, что в Грузии есть все, чтобы празднование Нового года растянулось на более длительный отрезок времени и было максимально заполнено мероприятиями. Мы можем превратить этот период в незабываемое приключение для туристов: красивейшие зимние курорты, традиции, грузинский танец, песни, ночные клубы, вкуснейшая кухня и вино (из которого, кстати, глинтвейн получается гораздо лучше, чем тот, который пробуешь в Европе). Наверное, чего больше всего нам, грузинам, не хватает, так это новогоднего настроения. Исправить это достаточно трудно, т.к. большинство населения, к сожалению, живет в бедности.

Зимой в европейских городах меня всегда восхищала красота, многообразие и креативность. В день мы снимали тысячи снимков, которые я храню до сих пор. Всегда, когда рассматриваю эти фотографии, мечтаю о такой Грузии, где смогу насладиться подобной красотой. Особо теплые воспоминания из периода моей жизни в Европе связаны с городами, которые славятся своими Рождественскими ярмарками. Мой сегодняшний блог посвящается устройству такого города в Гру-

Зимний Бакуриани

зии. В номинации Рождественского города я бы представил несколько городов: Бакуриани, Гудаури, Местиа и Бахмаро.

После анализа нескольких факторов (близость к столице, население, доступность, красота, расположение города, достопримечательности), думаю, что Бакуриани лучший вариант. Превратив его в Рождественский город европейского уровня, можно будет вызвать интерес у туристов и создать для них настоящие сказочные впечатления. По моему мнению, поезд во всем этом должен сыграть большую роль. Это приключение я бы назвал Рождественским экспрессом, как это сделано в моей любимой анимации (мультфильм Роберта Земекиса «Полярный экспресс»).

Представьте себе восторг туриста, когда из Тбилиси он поедет в Бакуриани и по дороге переседет в «Кукушку», которая будет специально оформлена по-рождественски. Дорога должна быть украшена рождественской атрибутикой, в особенности Эйфелев мост, который спроектирован Александром Гюставом Эйфелем (автором знаменитой Эйфеле-

вой башни). В Бакуриани уже с вокзала должны начаться незабываемые приключения: передвигаться по улицам можно будет только с помощью специальных саней. Город должен быть очень красиво освещен и устроена самая большая в Грузии Рождественская ярмарка, где свою продукцию смогут продавать приехавшие со всей страны люди. Здесь можно будет приобрести чурчелы, го-зинаки, глинтвейн и множество грузинских продуктов. В Бакуриани должны быть открыты ночные клубы, рестораны, известные гостиничные бренды, создано множество бизнесов. В городе необходимо смонтировать много установок для съятия креативных фото, проводить фестивали льда, концерты и разного рода соревнования. С целью привлечения детей можно устроить Дом Деда Мороза, посмотреть который приедут ребяташки со всей страны. Рождественская ярмарка Бакуриани должна войти в число необходимых новогодних мест для посещения в мире. Чтобы достичь этого, нужно организовать пресс-туры, инфо-туры для туристических компаний, вся марке-

тинговая кампания должна быть ориентирована на этот город. Данный проект будет способствовать преодолению сезонности, безработицы и бедности, и в целом улучшит новогодний настрой в стране. Для развития туризма нужно осуществлять такие крупные проекты и успех обязательно придет», – сказано в блоге Георгия Брегадзе.

Читателю, наверное, любопытно будет узнать, что упомянутый выше Эйфелев мост, который так красиво смотрится на фоне покрытого снегом леса, является историческим. Он построен на узкоколейной железной дороге Боржоми – Бакуриани, на реке Цемисцкали. Михаил Романов специально заказал его французскому инженеру Эйфелю в конце XIX века. Строительство моста началось в 1897 году, монтаж конструкции на месте был осуществлен конструктором Бесарионом Кебурия. В январе 1902 года первый поезд «Кукушка» проехал по этой дороге, он до сих пор верно служит любителям горнолыжного спорта и туристам.

Вертеп Краковские шопки

ПЕЩЕРА СО СВЯТЫМИ ДАРАМИ

Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

Праздник Рождества озарен мистическим светом, гирляндами огней, пропитан волшебным дыханием, ароматами хвои, имбиря, ванили. И совершенно не важно, что из-за календарных расхождений в одних странах праздник встречают 25 декабря, а в других – 7 января, умиротворяющая суть торжества остается неизменной.

Накануне Рождества и Нового года соборы становятся еще более нарядными. В Европе их украшают венками из омелы и остролиста, букетами пуансеттии, пунцовые цветы которой похожи на Вифлеемскую Рождественскую звезду. И почти в каждой церкви мастера вертепы, воссоздающие картину первых земных дней младенца Иисуса.

Представители большинства христианских конфессий не сомневаются, что Иисус родился

в пещере, однако в канонических Евангелиях нет прямого указания на этот факт, в них говорится лишь о яслях, в которых лежал Младенец. В православной традиции неизменно изображают грот, что и объясняет название «вертеп» – «пещера» на старославянском языке. В католических странах зачастую воссоздают хижину или хлев, пейзаж может быть сельским, или городским. В яслях лежит младенец, над ним склонились в умилении Дева Мария и Иосиф, в сцене присутствуют волхвы, ангелы, пастухи, а также животные – быки, ослы, козы и овцы. Таково универсальное видение вертепа. В раннем Средневековье итальянцы первыми начали создавать подобные рождественские макеты, которые называются «презепио» – от латинского «praesepire» (ограждать) или «praesaerium» (стой-

ло, хлев, ясли, а в современном языке – детская кроватка). Священной реликвией старинной римской базилики Санта Мария Маджоре являются фрагменты деревянных яслей, в которые Дева Мария положила сына. В этой же базилике сохранился самый древний презепио, дошедший до наших дней. В 1280 году по заказу Папы Гонория IV он был высечен из мрамора скульптором Арнольфо ди Камбио.

Для вертепа в соборах выбирают почетное место, но рассмотреть его непросто – мешает стекло. Так что давайте-ка, мысленно устраним эту преграду и рассмотрим сценку Рождества сквозь призму времени и истории.

Итак, первые вертепы появились в Италии, и в каждой исторической области сложились свои традиции изготовления скульптурных картин. Их мастерили, соревнуясь в умении, из самых разных материалов, используя все подручные средства от глины до драгоценностей. Однако самую новаторскую концепцию презепио осуществил не кто иной, как сам Франциск Ассизский – по-

читаемый святой и основатель ордена францисканцев. По легенде он не стал столярничать и лепить фигурки, а придумал разыграть вокруг настоящих яслей евангельскую «живую картину» с участием людей и домашних животных. Первая рождественская «инсталляция», которая состоялась в 1223 году в Греччо (ныне село в провинции Риети региона Лацио), пришлось по душе гражданам и прославила городок. Более того, в том же году папа Гонорий III дал благословение на создание вертепов, и они повсеместно стали популярным атрибутом Рождественских праздников. В Болонье сохранился вертеп 1560 года с фигурками высотой 60 см. В XVIII веке в Италии появились профессии вертепных мастеров, одни специализировались на лепке и вырезанию фигурок, другие на их живописной росписи, третьи шили одежду, декорированную драгоценностями и вышивкой. Но также известно, что даже король Карл (Шарль) III Бурбон лично делал фигурки для вертепов, а придворные дамы их украшали – недаром самыми нарядными презеппо славились именно Неаполитан-

ское королевство. С огромной пышностью в аристократических дворцах Неаполя устраивали «живые» вертепы, для их постановок не скупилась на богатые декорации и костюмы. В настоящее время в антикварных лавках можно разыскать старинные библейские статуэтки ручной работы, которые изготавливали для вертепов до военных походов на Италию Бонапарта. Современные неаполитанские мастера, занимающиеся созданием вертепов, специализируются на миниатюрных презеппо, которые помещаются внутри лампочки, или раковины мидий. Считается, что художник Альдо Карило изготовил самый маленький вертеп в мире – размером с булавочную головку.

В торговой Генуе уже с XVIII века стали изготавливать вертепы не только для церквей, но и для обычных жилых домов. Один из самых знаменитых мастеров того времени Антонио Мариа Маральяно прославился созданием вертепов, его шедевр был сделан для храма Santuario di Nostra Signora di Carbonara, где хранится по сей день.

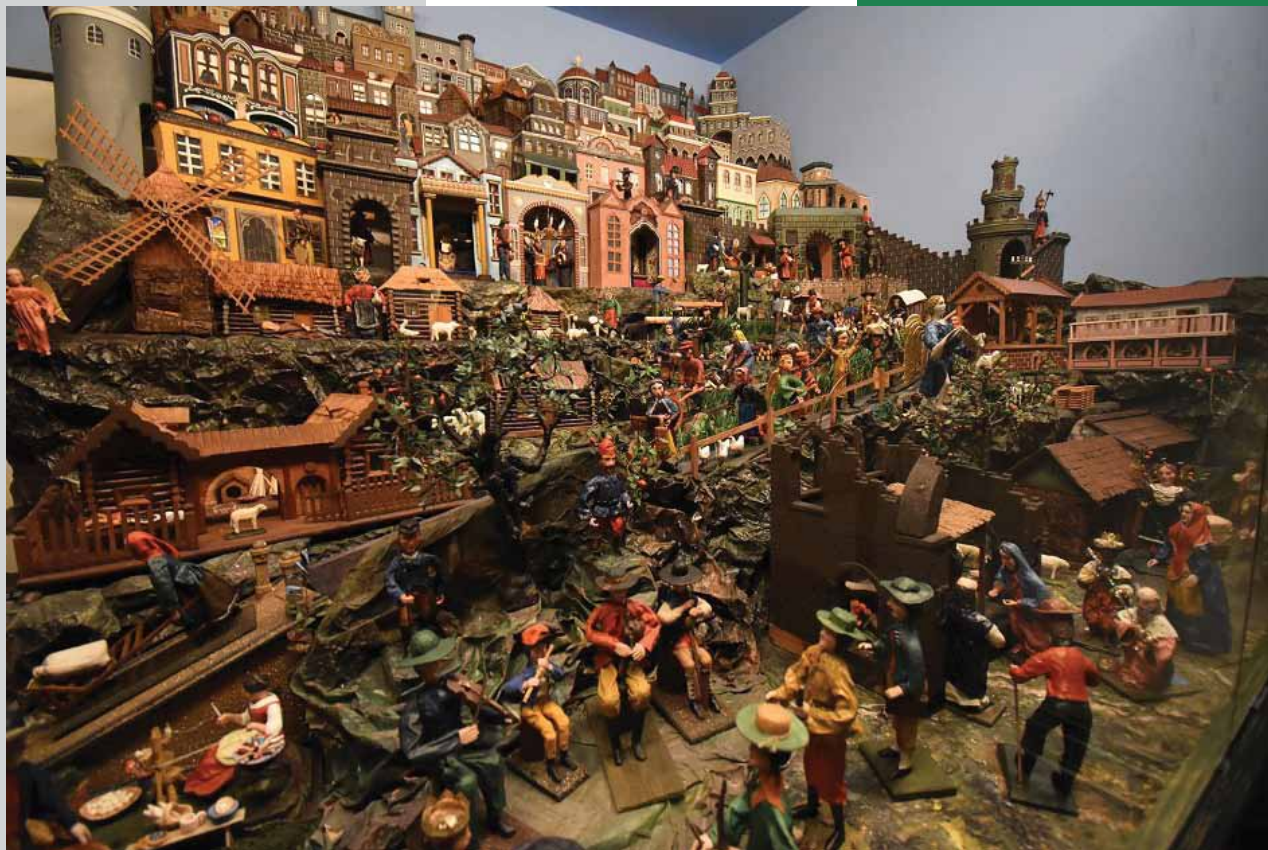
На Сицилии презеппо появи-

лись в XV веке, в первой половине XVII века умельцы стали оснащать вертепы скрытыми механизмами, которые приводили в движение фигуры композиции. При изготовлении персонажей Святого семейства, волхвов и ангелов использовали золото, серебро, перламутр, слоновую кость и кораллы.

Популярность вертепов была настолько большой, что вскоре их начали ставить на городских площадях и ярмарках. На открытом пространстве вертепы сразу приобрели масштаб. Примечательно, что на площади Святого Петра в Ватикане первый вертеп был установлен только в 60-х годах XX века при папе Павле VI. Деревянные фигурки в полный рост для этого вертепа были сделаны из древесины ели, клена и палисандра, то есть из тех же пород, которые использовались для изготовления скрипок Страдивари. Статуи ныне хранятся в собрании Ватикана.

Самая большая коллекция европейских вертепов собрана в музее Maranatha крошечного городка Лугато в Южном Тироле. Здесь можно увидеть вертепы и старинные, и уль-

Вертеп Крызовы яслички

Вертеп колокольчики

трасовременные, например, сверкающий камнями вертеп от Swarovski. Знатоки искусства рождественских вертепов едут в Рим, чтобы полюбоваться уникальными творениями на международной выставке «100 вертепов», которая ежегодно проводится в Вечном городе, начиная с 1976 года. Здесь представлены традиционные вертепы из разных провинций Италии, а также экзотические композиции, сделанные из самых различных материалов – из сахара, кукурузных листьев, гипса, зубочисток, риса, пробок и так далее. Уникальное собрание вертепов хранится в базилике Святого Иосифа в Монреале (Ораторий Сен-Жозеф). Более 300 экспонатов коллекции со всех континентов созданы из дерева, металла, бронзы, камня, глины, фарфора, папье-ма-

Вертеп Вильнюс

Вертеп Болонья

ше. Африканцы использовали для вертепа эбеновое дерево, австралийцы поместили рядом с яслями коалу, вомбита и утконоса, индусы – слонов, а участники экспедиции, встречавшие Рождество в Антарктиде, смастерили вертеп, населенный пингвинами.

Вертепы могут быть крошечными и умещаться в ореховую скорлупу, а также огромными. Самым крупным по размеру фигур, согласно Книге рекордов Гиннеса, был рождественский вертеп, сооруженный в Монтеррее (Мексика) в 1999 году. Фигуры Девы Марии и Святого Иосифа достигали в высоту 5,3 метров.

Для стран Восточной Европы и России более характерны переносные вертепы для коротких кукольных представлений с рождественским сюжетом.

Примерно с XVIII века вертепами также стали называть деревянные двух- или трехэтажные переносные ящики-домики, где, собственно, и разыгрывался спектакль. Ярусы вертепа имели разное предназначение. Верхний ярус представлял собой Пещеру Рождества, а на нижнем разыгрывались сцены, связанные с историей царя Ирода, бегства в Египет, а также комедийные сцены.

В Петербурге прославилась семья Колосовых, в течение всего XVIII века представители этой династии «вертепщиков» хранили традиции исполнения рождественских спектаклей. Кукольные вертепы были широко распространены на территории Польши, Украины, Белоруссии. Украинцы использовали название «вертеп», белорусы – «батлейка» или «бетлейка» (от слова Bethlehem – Вифлеем), в Польше и прилегающих к ней областях Белоруссии – «шопка», в Закарпатье – «бетлегем». Среди них наиболее известны красочные Краковские шопки, включенные в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Особым атрибутом вертепов стали и расписные колокольчики с ангелами, ягнятами и звездами, их можно встретить на каждой рождественской ярмарке.

Во все времена высоко ценились механические вертепы. Среди образцов встречаются настоящие шедевры. Самым знаменитым из них является уникальный вертеп «Кризовы

яслички», который находится в музее города Йиндржихув-Градец в Чехии. Согласно книге рекордов Гиннеса, это – крупнейший механический вертеп. Гигантская конструкция занимает площадь примерно в 60 квадратных метров и представляет собой панораму города XIX века. В вертепе разместились почти полторы тысячи фигурок людей, которые переходят мосты, пекут хлеб, работают у наковальни, мелют муку и совершают еще десятки дел. Механическое чудо создал чучлочный мастер Томаш Криза, который в десять лет загорелся мечтой построить невиданный вертеп, а потом шестьдесят лет изготавливал детали, конструировал и запускал механизмы для своей композиции. Он хранил свое творение в разобранном виде, и собирал в канун Рождества, обогащая вертеп из года в год новыми сценками. После смерти мастера сын передал вертеп в местный музей.

Великолепные образцы вертепов средневековых ремесленников, художников Ренессанса, эпохи Просвещения пережили войны и смены формаций. Вертепы подвергались запрету во времена Великой Французской Революции, в Германии – в годы протестантской реформации, в Великобритании при Оливере Кромвеле, само собой у нас – при большевиках. Однако интерес к ним никогда не угасал и быстро возродился

Вертеп Вифлеем

Вертеп Вифлеем

после крушения коммунистического режима, с середины 1990-х годов на постсоветском пространстве проводятся фестивали вертепных театров. А в Грузии восстановилась традиция проводить рождественские шествия «Алило», берущая начало в XV веке. По сути дела, «Алило» – это шагнувший за пределы церкви вертеп, театрализованная реконструкция библейского сюжета. Во главе процессии под церковное песнопение движутся персонажи, изображающие волхвов, пастухов, дети. Рядовые участники облачены в белые одеяния, они

несут флаги, звездочки и иконы. Жители передают им пожертвования и подарки, которые предназначены для нуждающихся и детей-сирот.

И в наши дни строят вертепы, повсюду, кроме Вифлеема, где и родилась Новая эра человечества.

В яслях спал на свежем сене
Тихий крошечный Христос.
Месяц, вынырнув из тени,
Гладил лен его волос...
Бык дохнул в лицо младенца
И, соломою шурша,
На упругое коленце
Засмотрелся, чуть дыша.
Воробьи сквозь жерди крыши
К яслям хлынули гурьбой,
А бычок, прижавшись к нише,
Одеяльце мял губой.
Пес, прокравшись к теплой ножке,
Полизал ее тайком.
Всех уютней было кошке
В яслях греть дитя бочком...
Присмиривший белый козлик
На чело его дышал,
Только глупый серый ослик
Всех беспомощно толкал:
«Посмотреть бы на ребенка
Хоть минуточку и мне!»
И заплакал звонко-звонко
В предрассветной тишине...
А Христос, раскрывши глазки,
Вдруг раздвинул круг зверей
И с улыбкой, полной ласки,
Прошептал: «Смотри скорей!..»

Саша Черный

Родовая усадьба Грибоедовых

ХМЕЛИТА – РОДОВАЯ УСАДЬБА ГРИБОЕДОВЫХ

■ **Виктор КУЛАКОВ**
Александр МАКСИМОВ

В 1929 году, к столетию гибели А.С. Грибоедова, была организована выставка в залах Государственного театрального музея имени А.А. Бахрушина в Москве. На этой выставке были использованы материалы и документы многих музеев, архивов и частных собраний. Среди многочисленных экспонатов, представленных в экспозиции, внимание к нескольким фотографиям обветшало усадебного дома, вряд ли привлекало всеобщее внимание. Скупая справка в каталоге поясняла, что это усадьба «Хмелиты» – смоленская провинция, которую часто посещал будущий автор бессмертной комедии «Горе от ума».

Значительный эпизод усадебной жизни А.С. Грибоедова приходится на его детские и юношеские годы, что справедливо подтверждают многие исследователи биографии и творчества писателя. В 1856 году в Хмелите побывал будущий известный историк М.И. Семевский, который обследовал здесь запущенный к тому времени архив дядюшки А.Ф. Грибоедова. В этом же году в журнале «Москвитянин»

появилась статья «Несколько слов о фамилии Грибоедовых», в которой описывалось состояние хмелитского дома-дворца, интерьеров, фамильных бумаг и портретов, сообщались легенды, бытующие о Грибоедовых в смоленском крае, впервые публиковались царские грамоты предков А.С. Грибоедова по материнской линии. Интересные материалы, дающие представление о грибоедовской Хмелите начала XIX века представлены в частично опубликованных Н.К. Пиксановым рукописных мемуарах В.И. Лыкошина и его сестры А.И. Колечицкой.

Хмелита расположена на территории современного Вяземского района Смоленской области, примерно в 30 км. к северу от Вязьмы. История села Хмелиты прослеживается с XVI века, но наиболее яркую страницу составляет период середины XVII-XIX веков, когда усадьба принадлежала роду Грибоедовых. Первое «хозяйственное» описание грибоедовской Хмелиты встречается в 1682 году: «...В селе ж двор вотчинников Ивана Грибоедова, а в нем дворовых его людей 22 человека, да крестьянских и бобыльских 11 дворов, людей в них 67 человек...». Однако, как

Памятник Грибоедову в Хмелите

явствует из писцовых книг и Грамоты царя Михаила Федоровича, пожалованной в 1614 году Михаилу Ефимовичу Грибоедову, первыми владениями Грибоедовых были поместья Белый Холм Труфановского стана и Стенино Липицкого стана Вяземского уезда еще в XVI веке.

В XVII-XVIII веках представители смоленской ветви семьи Грибоедовых были хорошо известны среди московского и смоленского дворянства. Многие из этого рода были близки ко двору, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что полковник

А.С. Грибоедов

Семен Грибоедов играл при царице Софье Алексеевне в спектакле по переводной комедии Мольера «Доктор принужденный» вместе с такими сановниками, как князь Ю.А. Долгорукий, В.В. Голицын, Я.Н. Одоевский, Д.Н. Щербатов. Среди Грибоедовых – владельцев усадьбы выделяется дед будущего драматурга Федор Алексеевич Грибоедов, отставной поручик Преображенского полка, который вступил во владение Хмелитой в 1736 году. С его именем связано строительство богатой каменной усадьбы в середине XVIII века. У Федора Алексеевича было пятеро детей – сын и четыре дочери. Одна из них, Анастасия Федоровна, была матерью автора «Горя от ума». Друг детства Грибоедова В. Лыкошин вспоминал: «...Анастасия Федоровна – мать поэта и дочери, известной по Москве своим музыкальным талантом, – с детьми и их учителем Петрозилуис с женою, проводила также лето в Хмелите».

Считается, что усадебный дом в имении построен в 1753 году, хотя эта дата и оспаривается историками. В «Экономических примечаниях к плану генерального межевания Вяземского уезда Смоленской губернии», составленных не позднее 1780 года упоминается в связи с Хмелитой о «владении лейб-гвардии капитан-поручика Федора Алексея сына Грибоедова... дом господ-

Интерьер музея

ский каменный о двух этажах, с четырьмя флигелями». Это упоминание, несомненно, относится к существующему и поныне усадебному дому. Сведения о большом строительстве, которое вел Ф.А. Грибоедов в Хмелите, начиная с середины XVIII века, а также стилистическая характеристика архитектуры усадебного дома, типичная для русской архитектуры середины XVIII века подтверждают данную датировку. В этот же период в усадьбе был разбит регулярный парк, построены Казанская церковь и каменные здания служб.

Композиционным центром усадебного ансамбля в Хмелите являлся большой барский дом дворцового типа, выстроенный в архитектурных формах русского барокко. Четыре двухэтажных флигеля композиционно закрепляли по углам пространство парадного двора, расположенного перед главным, западным фасадом дома. Дальше к западу – широкие террасы партера, великолепная панорама долины р. Вязьмы.

С востока к усадебному дому примыкал регулярный парк «с глухими и открытыми аллеями», в котором размещались «два копанных пруда с саженой рыбою», а также «хорошие цветники с каменными статуями». В своей восточной части регулярный парк переходил в так называемый английский, пейзажный

парк, включавший в себя естественные уголки природы с запутанными тропинками, зарослями кустарника и уютными лужайками. Систему регулярного и пейзажного парков дополняли наиболее эффективные видовые точки на окрестные пейзажи. По всей вероятности, имелись в хмелитском парке и характерные для крупных ансамблей загородных усадеб второй половины XVIII в. атрибуты садово-паркового искусства: мостики, гrotты, беседки, павильоны и т.п.

К юго-западу от парадного двора, обнесенного каменной оградой, стояла освященная в 1759 году, построенная в одном стиле с усадьбой церковь Казанской Иконы Божией матери с двумя более поздними приделами – во имя Николая Чудотворца и Иоанна Крестителя. В конце XVIII века в селе «на расстоянии одной четверти версты от Казанского храма... за ручейком Скоробовкою» построен был второй при Хмелите храм (ныне не существующий) – однопрестольный, в честь преподобного Алексея, человека Божия. Это было круглое каменное строение, окруженное колоннадой, рядом с храмом двухъярусная колокольня и приходское кладбище внутри ограды.

В южной части усадебной территории сохранились каменные здания служб. Хмелитская усадьба была в XVIII века крупным

глого бельведера. Уже в начале XX века галерея и сохранившийся первый этаж юго-восточного флигеля были надстроены вторым этажом.

При исследовании хмелитского усадебного дома в 1969-1971 годах под позднейшими наслоениями были вскрыты следы всех основных элементов его первоначального архитектурного облика, что позволило выполнить проект реставрации этого интересного памятника середины XVIII века (проект разработан Всероссийской специальной на-

Фрагменты экспозиции

помещичьим хозяйством. В документах этого периода упоминаются скотные дворы, рыбное хозяйство в прудах, конный завод с манежем при усадьбе, а также значительное число мастеровых людей различных специальностей: кузнецы, слесари, столяры, ткачи, живописцы (возможно, их руками были расписаны по холсту стены хмелитского дома) золотари, ружейники, каменщики и т.д. (среди этих мастеровых названы даже архитекторы). Говоря о хозяйственной жизни Хмелиты первой четверти XIX века, бывший крепостной Грибоедовых старик Прокоп вспоминал, что в усадьбе

были разные мастерские: «и мебель, и все, что нужно было, в них делали. Мой дед был столяром».

Судя по всему, на рубеже XVIII и XIX веков между главным домом и юго-восточным флигелем была выстроена закрытая галерея. Значительно изменился в первой половине XIX века и внешний облик усадебного дома: в это время была сбита большая часть его старого архитектурного декора и заново оштукатурены фасады, к центральной части западного фасада был пристроен громоздкий четырехколонный портик, само здание получило новое завершение в виде кру-

учно-реставрационной производственной мастерской, автор проекта В.Е. Кулаков).

Имя архитектора господского дома в усадьбе Хмелита не дошло до наших дней, однако исследователи полагают, что его создателем выступил один из учеников Растрелли. Торжественного вида особняк прекрасно передает дух эпохи барокко. Архитектурная трактовка его главного фасада с тремя выступающими вперед ризалитами, карнизом сложного профиля и раскрепованными фронтонами выполнена с высоким мастерством и изяществом, которыми

отличаются лучшие барочные постройки в Петербурге и Москве, такие, как дворец Строгановых в Петербурге (архитектор В. Растрелли) или усадьба Апраксиных-Трубецких (автор не установлен) в Москве, на Покровке.

Причудливое очертание оконных наличников, трехчетвертные колонны и другие элементы декора, сверкающие белизной на голубоватом фоне фасада, придавали архитектуре хмелитского дома живописный характер и способствовали его эмоциональному восприятию.

Со стороны парка в центре фасада располагалась парадная, овальная в плане лестница, ведущая на второй этаж. На верхнюю площадку лестницы выходила дверь большого парадного зала. Этот зал был перекрыт сводом зеркального типа, на котором была, очевидно, декоративная роспись. Планировка внутренних помещений дома сделана по обычному для сооружений данного типа принципу анфиладного размещения парадных помещений. В интерьерах дома сохранились следы лепных карнизов и облицовки стен цветным мрамором, останки печей, облицованных красочными поливными изразцами XVIII века. Кроме парадных помещений и жилых покоев (всего в доме насчитывалось более 40 комнат), здесь имелись обширная библиотека, картинная галерея, возможно, был и театр для домашних любителей спектаклей, которые устраивались в усадьбе во времена А.Ф. Грибоедова – дяди по-

Колокольня и церковь

эта.

С 1830-х годов хмелитская усадьба, славившаяся раньше на всю губернию, постепенно приходит в упадок. В 1832 году после смерти А. Ф. Грибоедова Хмелита наследственно перешла «к дочери его, княгине Варшавской», Елизавете Алексеевне Паскевич. В 1869 году усадьба была продана «со всеми принадлежавшими ей землями Сычевскому купцу 1-й гильдии Сипягину, а тот продал немцу Ланге», который распродал всю мебель и начал разрушать дворец. Описания дома и усадьбы находим в

воспоминаниях сына последнего ее владельца Н.В. Волкова-Муромцева. Он описывает Хмелиту такой, какой застали ее его родители, приехавшие сюда в 1894 году: «Дом был в ужасном состоянии, никто не жил в нем уже много лет. Все было заброшено, северный флигель снесен, верхний этаж южного разрушен. В зале на полу сушилось зерно, из скважин паркета росла рожь».

В 1918 году в главном здании усадьбы размещался Народный дом – с театром, читальней, чайной. Не разрушенный в Великую Отечественную войну (была взорвана только колокольня Казанской церкви иконы Божьей матери), дворец пострадал от пожара в 50-е годы XX века. С 1970-х годов начались реставрационные работы в грибоедовской усадьбе, которые поспособствовали ее спасению.

В настоящее время ансамбль родовой усадьбы дворян Грибоедовых практически полностью восстановлен Виктором Кулаковым для новой музейной жизни.

Усадьба Хмелита – единственное место не только в русской провинции, но и в России, где аккумулируется историческая память о великом сыне России А.С. Грибоедове.

Беседка в парке

Г. Коррадини. Портрет М.И. Агамалян

ЗАБЫТЫЙ ХУДОЖНИК: ГЕОРГ КОРРАДИНИ

Ирина ДЗУЦОВА

Уроженец итальянского города Лукка, близ Флоренции, Георг Коррадини, или, на русский манер, Георгий Вильгельмович (Иванович) Коррадини, – прибыл в Тифлис в 40-х годах XIX в. «Кавказский календарь» на 1847-1853 гг. упоминает его в числе художников, работавших в Тифлисе. Он служил учителем рисования и чистописания в Тифлисской гимназии. Жил на улице Гановской (ныне улица Г. Табидзе) в доме Лорис-Меликова.

Коррадини был прекрасно образован, владел несколькими языками, имел степень бакалавра физико-математических наук, его считали замечательным художником. Во время русско-турецкой войны в 1855 г., как отставной офицер итальянской армии, переведясь из Дагестанского пехотного полка, Коррадини был определен прапорщиком в Нижегородский драгунский полк. За участие в штурме города Карс в составе 4-го дивизиона он получил орден Св. Анны 4-ой степени. Современ-

ники и однополчане вспоминали о Коррадини как о прекрасном боевом товарище, отличном всаднике и добром – несмотря на вспыльчивый характер – человеке.

В 1871 г. в чине майора Коррадини вышел в отставку и уехал в отпуск в родную Италию, где занимался скульптурой («Акты Кавказской археологической комиссии», т. 12, Тифлис, 1904, стр. 8.). Позднее художник вновь вернулся в Петербург, где и скончался в 1891 г. Похоронен в римско-католической части Волкова кладбища.

При жизни Коррадини считался талантливым рисовальщиком и акварелистом, его работы находились во многих частных коллекциях. Известны его портреты Наместника на Кавказе генерала Н.Н. Муравьева, аварского вождя и военачальника, наиба имама Шамиля, участника Кавказской войны Хаджи-Мурата, кавказских горцев и офицеров Нижегородского драгунского полка, большая акварельная картина, запечатлевшая полковой лагерь в селе Бозгалы. Среди офицеров полка художник изобразил и самого себя с карандашом и бумагой в руках.

Об одной акварели работы Г. Коррадини (из частной коллекции) сообщалось в статье «Загадка старой акварели». На небольшом листе бумаги (31x22) изображена молодая женщина в грузинском национальном платье зеленых тонов, с пышными рукавами и широкой юбкой, перехваченной в талии длинным белым поясом. Прическа и головной убор – тавсакрави – желтого цвета с вышитыми красными цветочками. Тонкое прозрачное личико выдает в модели замужнюю женщину. Модель изображена в полный рост, почти фронтально. Наклон изящной головки в трехчетвертном повороте обращен к правому плечу, взгляд умных и грустных глаз направлен вправо. Лицо – овальной формы, нос – удлиненный с характерной горбинкой, брови – вразлет, глаза – миндалевидные с чуть припухлыми веками. Взгляд – умный, чуть настороженный и грустный. В этом портрете супруги царевича Александра Батонишвили (пятого сына царя Ираклия II и царицы Дареджан) привлекает внимание прежде всего восточная красота модели, ее изящная и грациозная поза, ненавязчивый общий колорит. В нем просматривается профессиональное умение автора, мастерски владеющего рисунком и техникой акварельной живописи.

Волею судьбы в 1834 г. модель – Мария Исаковна Агамалян – оказалась в Санкт-Петербурге, вместе с малолетним сыном Ираклием (названным так в честь деда, царя Ираклия II). Царевне сразу назначили прием у императрицы Александры Федоровны, на котором присутствовал и сам Николай I, наградили орденом Св. Екатерины, назначили годовую пенсию, а сына определили в Пажемский корпус. В 1840-е гг. мать с сыном вернулись в Тифлис, где она и скончалась в 1882 г. в возрасте 74 лет. Газета «Кавказ» (1882, N267-2) писала: «С кончиной царевны Марии прекратился бывший Грузинский царский дом». Та же газета «Кавказ» следующим образом характеризовала царевну Марию Исаковну: «При замечательной физической красоте покойная обладала высокими душевными качествами. При скромном своем образовании она отличалась умом и тактом и не

Г. Коррадини. Портрет Вахтанга Орбелиани

раз бывала очастливлена посещением покойных государей и августейших особ. Природная скромность и даже врожденная азиатской жизнью застенчивость еще более увеличивали всеобщее к ней уважение, и благотворительность ее привязала к ней немало бедных семей, всецело обретающихся на иждивении ее». Этой характеристики вполне достаточно, чтобы понять желание и готовность Георга Коррадини создать портрет царевны, известной в Тифлисе своей красотой и делами.

При сопоставлении акварельного портрета М.И. Агамалаян и изображения Елены Эристави в роли грузинки в спектакле «Раздел» бросается в глаза несомненное сходство композиционного строя, общего абриса фигур, посадки голов моделей, а также тщательная разработка фактуры. Автор – Г. Коррадини был наделен безупречным вкусом и живописной культурой. Обе работы производят впечатление станкового портрета с выразительными и запоминающимися образами молодых женщин. Примечательно, что Г. Коррадини, работавший в Италии и в России проникался впечатлением от незнакомого (грузинского), как чем-то близким. Для него герои его акварельных произведений – загадочные незнакомцы, но он их понимал, изображал в изысканной и утонченной живописной форме, оставаясь внимательным и к психологическому состоянию своих моделей. Они – не постановочные фигуры, но проникнуты человеческим началом, лишены всякой экзотичности. Акварельные листы художника далеки от иллюстративности. Это его художественные и жизненные впечатления от страны, такой далекой от его родины. Коррадини оставался свободным, независимым художником и оставил нам интересную страницу грузинской культуры XIX в.

Тбилиси (Тифлис) во все времена был полон очарования для художников, поэтов, писателей, путешественников... Пейзажи, горожане, социальная и этническая пестрота, сосуществование старых и новых укладов создали Тифлису ореол

города из «Тысячи и одной ночи». Многие известные люди творчества воспели, запечатлели кистью или пером древний город и его обитателей. Некоторые имена забылись. Среди них – Георг Коррадини (?-1891). Впервые за последние десятилетия о нем вспомнили в связи с вышеупомянутым акварельным портретом грузинской царевны М.И. Агамалаян, найденным в подвале одного тбилисского дома. Другие акварели итальянского художника остаются неизвестными. Несохранившиеся или забытые работы забытого художника...

Две миниатюры Г. Коррадини хранятся в Литературном музее Грузии им. Г. Леонидзе (инв. №686-гр, 689-гр). На одной изображена дочь царя Ираклия II и царицы Дареджан, Текле (1776-1846). На другой – ее муж Вахтанг Орбелиани (1769-1812) в военном мундире. Обе миниатюры подписаны автором (латинскими буквами) в правом нижнем углу. Они поступили в музей в 1944 г. от Текле Николаевны Орбелиани, внучки царевны Текле и жены известного грузинского писателя и общественного деятеля Киты Георгиевича Абашидзе (1870-1917).

Г. Коррадини. Портрет Текле Батонишвили

Миниатюры исполнены с большим мастерством на бумаге (20x16) и датируются 1850-ми гг. Исходя из датировки, периода пребывания Коррадини в Тифлисе, и учитывая идентичность акварельных портретов четы портретам маслом на холсте, хранящихся в Гос. музее искусств Грузии им. Ш. Амиранашвили и датируемых 1812 г., можно с большой долей уверенности предположить, что за основу акварельных портретов были взяты портреты маслом, автором которых, возможно, является Николоз Абхази (?-после 1803). Возможно, акварели были созданы по заказу членов семьи царевны Текле (сыновей Александра, Дмитрия и Вахтанга) или самой царевны. Сходство портретов супругов Орбелиани (акварельных и маслом) с очевидностью проявляется в композиционном строе (изображение по пояс, в трехчетвертном ра-

Г. Коррадини. Слева Мариам Эрстави в роли Гордашверди. Справа Анастасия Эрстави в роли Нино Дидебулидзе

Г. Коррадини. Георгий Эрстави в роли армянина Микиртума Трдатов

курсе), жестах рук, выражении лиц, платье, общем колорите. Различий в портретах почти нет, если не считать отсутствие надписей, удостоверяющих личности портретируемых на портретах маслом, а также расположение фигур персонажей не на переднем плане, а в «глубине».

В Национальном историческом архиве Грузии хранится рукопись пьесы «Раздел» (1850) писателя, драматурга, основоположника и первого руководителя грузинского профессионального театра (в 1850-1854 г.) Георгия Эрстави (1813-1864), с одиннадцатью акварельными иллюстрациями, изображающими первых исполнителей ролей в спектакле «Раздел». До 1952 г. рукопись хранилась в Гос. центральном архиве в Москве. В Грузию его вернули по инициативе Театрального музея в Тбилиси.

Пьеса «Раздел» была поставлена в 1850 г. в актовом зале Первой мужской тифлисской гимназии. Все одиннадцать акварелей – работы Г. Коррадини и подписаны автором по-французски. На титульном листе – дарственная надпись художника (также по-французски) наследнику и будущему российскому императору Александру II, посетившему Кавказ, и, в частности Грузию, в 1850 г. Цесаревич прибыл по поручению отца, императора Николая I, с тем, чтобы ознакомиться с военным положением. Это было пышное парадное путешествие, в котором Александра Романова сопровождал Наместник на Кавказе М.С. Воронцов (1844-1854). Текст на титульном листе следующего содержания: «Раздел». Первая в грузинской литературе драматическая пьеса, представленная в Тифлисе в 1850 году национальным дворянством для бедных. Костюмы и портреты персонажей пьесы

Г. Коррадини. Князь Георгий Эристави в роли имеретинского князя

сы – в соответствии с текстом. С глубочайшим почтением Его Императорскому высочеству Великому Князю и Наследнику от Жоржа Коррадини».

В альбоме представлены следующие персонажи из пьесы «Раздел»: Элене Эристави в роли грузинки, Чилашвили в роли слуги и рядом с ним Кипиани в роли князя Иванэ, князь Георгий Эристави (автор пьесы) в роли армянина Микиртума Трдатова, князь Георгий Эристави в роли имеретинца, княгиня Андреевская в роли Макринэ, князь Окро Эристави в роли Павле Дидебулидзе, князь Александр Эристави в роли Бардзима, Шаншиев в роли Рамаза, князь Ника Эристави в роли мурави, Мариам Эристави в роли Гордашверди, Анастасия Орбелиани в роли Нино Дидебулидзе, Кетеван Орбелиани в роли Татули, Анастасия Орбелиани в роли Шушаны.

Одиннадцать акварельных листов были впервые опубликованы в книге «Г. Эристави да картули пропесионалури театри» (Тбилиси, 2013, под редакцией Каландия). К сожалению, в книге ничего не сказано об авторе акварелей. А между тем в этих акварельных работах, Г. Коррадини выступает как летописец первого грузинского профессионального театра, сохранив для нас образы первых исполнителей первого спектакля. Писал ли он по памяти или по рисункам, сделанным по ходу спектакля (или репетиции) из зрительного зала? В

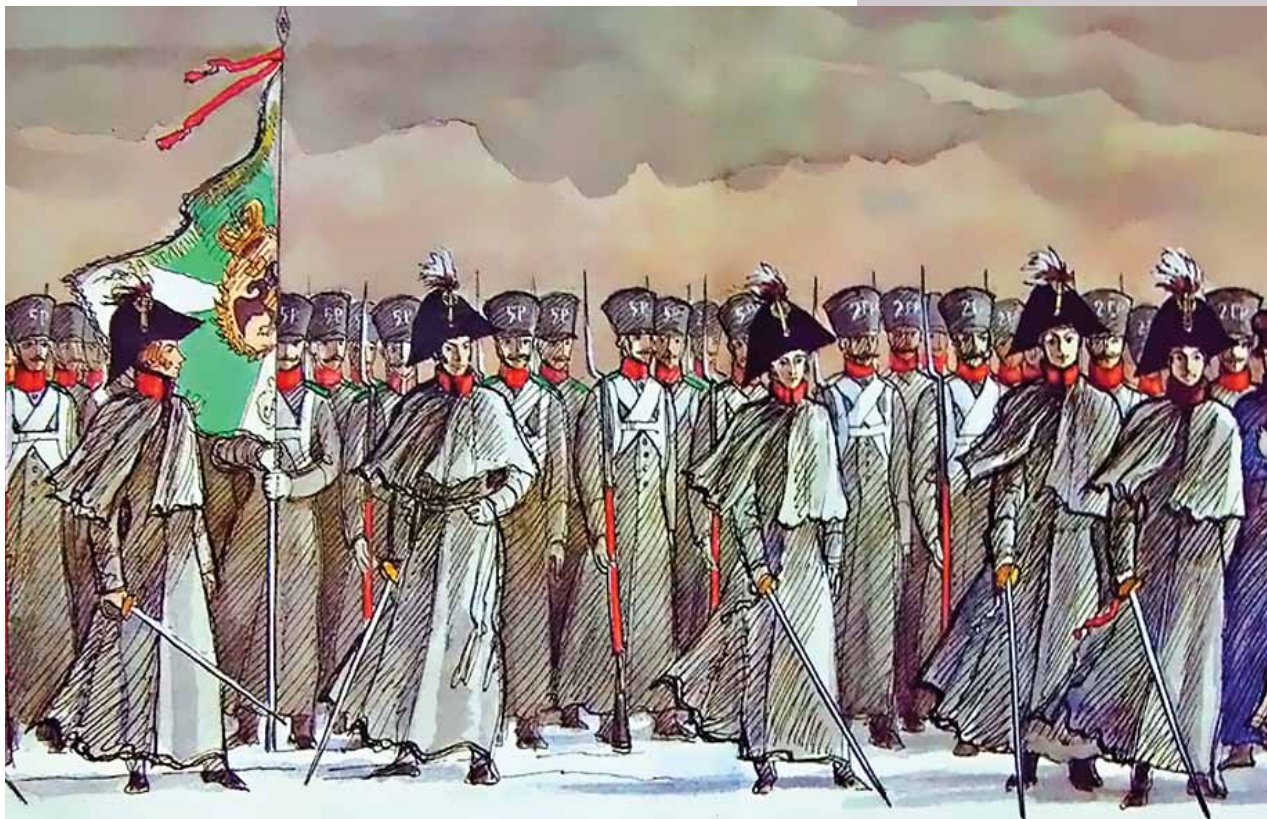
акварелях ощутимо вдохновение. Они – как фрагменты спектакля, и в каждой – характерность сценического и реального образа. Акварели – словно портреты, созданные под впечатлением от спектакля. В них присутствуют элементы эффектности и живого контакта с прототипами. Изображенные на листах актеры – в сценических костюмах с соответствующими атрибутами, но в лицах, осанке и движениях художником скорее схвачен человек, чем актер. Некоторые акварели обладают портретной характеристикой. На других персонажи – в ак-

Г. Коррадини. Элене Эристави в роли грузинки

тивном движении, словно выхвачены из контекста спектакля. Но и те, и другие полны экспрессивной динамичности – в позах, жестах. По ним вполне можно угадать психологию образов и суть их ролей. Сюжеты акварелей Г. Коррадини полны непосредственности, искренности, заинтересованного отношения к образам. Акварельные листы в то же время и самостоятельные работы, не ограниченные темой театрального представления. В них – художественная достоверность, высокая культура исполнения, безупречный вкус. Их характеризует красочность, тщательная выписанность лиц, плавность линий, гармоничные цветовые решения.

Можно предполагать, что Г. Коррадини общался со своим земляком, архитектором итальянцем Джованни Скудиери (1817-1851), руководившим строительством здания караван-сарая Г. Тамамшва с первым на Кавказе специализированным театральным помещением, и с художником Григорием Григорьевичем Гагариным (1810-1893), расписавшим зал и фойе театра. Театр был торжественно открыт 12 апреля 1851 г. Возможно, Г. Коррадини был свидетелем строительства театра и одним из его первых зрителей.

Восстание декабристов на Сенатской площади

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

«Вы, чьи широкие шинели, напоминали паруса, чьи шпоры весело звенели, и голоса». Читаешь эти цветаевские строки, посвященные генералам 1812 года, и так легко представить других блестящих военных той эпохи... Заснеженная площадь, офицеры в широких шинелях перед солдатскими шеренгами, гарцующие всадники, звон шпор, встревоженные голоса – 25 декабря 1825-го. Первая в истории России попытка революции. Не дворцовый переворот, не крестьянский бунт, а восстание образованнейших людей, стремящихся изменить весь политический строй – уничтожить самодержавие, создать конституцию и парламент, отменить крепостное право. Среди 579 дворян, привлеченных к ответственности за это неслыханное стремление к справедливости, – и два человека, в венах которых грузинская кровь. Ни-

колай Лорер и Александр Гангелов. Познакомимся с первым из них, это будет знакомством и с примечательными судьбами грузинских эмигрантов и их потомков.

У читателей может возникнуть вполне справедливый вопрос: какая связь между немецкой фамилией Лорер и Грузией? Чтобы получить ответ, заглянем на сотню лет назад до выступления декабристов, в год 1724-й. В Москву по приглашению Петра I приезжает царь Картли Вахтанг VI. В его почти полуторатысячной свите – представители княжеских родов, фамилии которых начинают звучать на русский лад. Так капитан грузинского гусарского полка, князь Яссе Цицишвили, становится Евсеем Цициановым. У него с женой Матроной рождаются двое детей. Сын Дмитрий, знаменитый «московский Мюнхгаузен», основатель

Английского клуба в Москве – личность настолько колоритная, что избежать отдельного разговора о нем просто невозможно. На официальных должностях он не служил, но бывал курьером между Екатериной II и князем Потемкиным, а это – уже немало. Свидетельствует московский почт-директор Александр Булгаков:

«Он был человек добрый, большой хлебосол и отлично кормил своих гостей, но был еще более известен, с самих времен Екатерины, по приобретенной им славе приятного и неистощимого лгуна. Слабость эту прощал ему всякий весьма охотно, потому что она не была никогда обращена ко вреду ближнего. Цицианова лжи никого не оскорбляли, а только всех смешили. У него были всегда и на все случаи жизни готовы анекдоты, и когда кто-нибудь из присутствующих оканчивал

Герб князей Цицишвили

странный или любопытный рассказ, то Цицианов спешил сказать: «Да что это? Нет, я расскажу, что со мной случилось». И тогда начиналась какая-нибудь история или басенка, в которой были обыкновенно замешаны знаменитые люди царствования Екатерины II: князь Потемкин, Орловы, Разумовские, Нарышкины, Суворов, Безбородко, фавориты Екатерининские и даже сама Императрица. Граф Разумовский уверял, что известная брошюрка под заглавием «Не любо – не слушай, а лгать не мешай» сочинена князем Цициановым, но что он не хотел выставлять своего имени»

В пушкинском «Воображаемом разговоре с Александром I» читаем: «Всякое слово вольное, всякое сочинение противозаконное приписывают мне так же, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову». А это – уже Петр Вяземский: «Князь Цицианов, известный поэзией рассказов... Есть лгуны, которых совестно называть лгунами: это своего рода поэты, и часто в них более воображения, нежели в присяжных поэтах. Возьмите, например, князя Цицианова...».

Его сестра, мать будущего декабриста Лорера, для домашних – Кетеван, для окружающих – Екатерина, живет совсем иной жизнью. Она скрашивает старость Яссе и Матроны в украинском местечке Санжары. «...Прелестный уголок, который утопает в роскошной зелени

фруктовых деревьев, длинная сянняя слива так обильна, что ветви гнутся над палисадниками, из которых выглядывают огромные подсолнечники, шиповник, заячья капуста, барская спесь и душистая повилика. Дома выкрашены желтой краской, спальные ставни и крыши зеленые. Вот где поселились Евсей и Матрона Цициановы».

Это описание делает племянница декабриста, легендарная Александра Смирнова-Россет, друг и собеседница Пушкина, Жуковского, Гоголя, Лермонтова, Одоевского и Вяземского, фрейлина императорского двора. Волею судеб, имя этой внучки грузинских князей, никогда не бывавшей в Грузии музы «Золотого века» русской литературы, посмертно стало связано со столицей этой страны. После того, как ее сын женился на дочери тифлисского купца Михаила Тамамшева, получил в приданое особняк на Гановской (ныне – Галакти-

она) улице и перевез туда обстановку материнского салона, известного в Петербурге пушкинского времени. А для нас «черноокая Россети», как называл ее Пушкин, продолжит свой рассказ о грузинских корнях Николая Лорера:

«Старики продали свою землю и копили деньги для младшей дочери. Однажды вечером приехал в Санжары военный, который спросил, где бы он мог поужинать и ночевать. Ему отвечали, что самый большой дом был у князя Цицианова и что он очень гостеприимен. Он постучался. Ему отворили и спросили, кто он и что ему угодно. Он отвечал, что он полковник фон Лорер, уроженец северной Пруссии, ...и, несмотря на обещание императора дать ему земли... решил ехать на юг России искать фортуны. Пока он ужинал и готовили ему постель, он разговорился, сказал им, что немцы любят семейную жизнь, и что, если ему посчастливится,

Ф. Винтерхальтер. Портрет А.О. Смирновой-Россет. 1837 г.

К. Гампельн. Портрет князя З.С. Херхулидзе, П.В. Капниста и Н.И. Лорера. 1820 г.

то хочет жениться... «А если ты хочешь жениться, – сказал ему старик, – у нас есть еще незамужняя дочь... Его ввели к ней. Он увидел черные курчавые волосы, черные глаза, нос а la Bourbon (с легкой горбинкой – В.Г.) и белые как жемчуг зубы и сказал, что она ему нравится. А ее спросили, согласна ли она выйти за него замуж. Она отвечала: «Почтенные мои родители! Я на все согласна, что вам угодно»... Ему сообщили, что за ней 20 000 капитала, 12 серебряных приборов и дюжина чайных ложек, лисья шуба, покрытая китайским атласом, с собольим воротником, две пары шелковых платьев, несколько будничных ситцевых, постельное и столовое белье, перины и подушки, шестиместная карета, шестерка лошадей, кучер и форейтор. Выпили по обычаю рядную. Нареченный жених отправился прямо в Херсон... встретил там князя Потемкина, который... увидел европейски образованного человека и назначил его херсонским вице-губернатором, с казенной квартирой и 1000 р. содержания. На крыльях любви он поскакал на тройке в Санжары. Там их обвенчали в приходской церкви.

Князь Евсей и княгиня Матрона горько плакали, расставаясь навеки со своей милой Кетеван (Катерина), тогда путешествия были очень затруднительны».

Так появляется семья, в которой родился декабрист Николай Лорер. Правда, «чернокожая Россети» слегка ошиблась, но светским красавицам прощаются и не такие ошибки. Не сразу стал Херсонским вице-губернатором Иван Лорер, чьи предки Лорейны из-за религиозных гонений переселились из французской Лотарингии в Германию. Приехав в Россию с небольшим отрядом голштинских солдат Петра III и уйдя потом с военной службы, он был коллежским советником, советником Вознесенского наместнического правления и лишь потом – вице-губернатором. А уйдя с этого поста в отставку, жил в небольшом селе Водяное Херсонского уезда. Жил, прямо скажем, не богато – тогдашним вице-губернаторам, в отличие от нынешних, и в голову не могло прийти использование должностей для того, чтобы потуже набить карманы. Поэтому «вице-губернатор сделался всем известен знанием дела, честностью и простотой».

В небольшом имении на «царском тракте» из Петербурга на юг у Ивана Ивановича и Кетеван Ясеевны рождаются, ни много ни мало восемь детей. Когда глава семьи уходит из жизни, Кетеван останавливает стрелки часов: «Закатилось солнце моей жизни...». Все дела она берет на себя, по словам Смирновой-Россет, «жизнь бабушки была вроде Пульхерии Ивановны и разнообразилась одними хозяйственными заботами». К этому прибавляется и забота о почтовой станции, где останавливаются по пути на юг многие знатные особы и даже императоры. По ее просьбе, легендарный основатель Одессы дюк Ришелье приказывает вдоль главной сельской улицы высадить деревья и заложить парк. Но при всем этом средств на содержание всех детей катастрофически не хватает. И сына Николая, будущего декабриста, забирает в свое полтавское поместье Петр Капнист, брат знаменитого тогда поэта Василия Капниста.

«Связанный тесною дружбой с моим покойным отцом в продолжение 40 лет и желая помочь матери моей, обремененной большим семейством, – вспоминает декабрист, – он, вскоре после смерти батюшки, предложил отдать ему на вос-

И.П. де Буасезон. Портрет майора А.И. Лорера. 1807 г.

Кронверкская куртина Петропавловской крепости, где сидел Лорер

питание одного из сыновей ее, и жребий пал на меня. Так я сделался товарищем и другом его первого сына...» От Капнистов Николай и отправляется в большую жизнь: «Мне было 18 лет, когда судьба бросила меня, неопытного юношу, в бурное житейское море... Я отправился на службу, напутствованный благословением близких моему сердцу, с небольшими денежными средствами, но полный юношеских надежд».

Сначала он приезжает к дяде, «московскому Мюнхгаузену», видит Москву «в веселостях и удовольствиях» и отправляется в столицу – поступать на военную службу. Живет у старшего брата Александра, который «в то время пользовался репутацией ловкого, умного, образованного человека и отличного штаб-офицера, служившего с большим отличием кампанию 1805 года...». Брат представляет его наследнику престола, великому князю Константину Павловичу, и тот определяет юношу в Дворянский полк при втором кадетском корпусе. Так Лорер встречается с человеком, чьим отречением от престола декабристы воспользовались для восстания: «...Быв наследником русского престола, отказался впоследствии от него, чтоб жениться на польке дворянке, и был невольно причиной бедствий России... моих товарищей и меня самого».

А война с Наполеоном уже в

разгаре, в гостях у старого друга отца, поэта Гавриила Державина молодой человек узнает о падении Москвы. В кадетском корпусе, «по недостатку офицеров в полках гвардии», воспитанников срочно «выпускают» в войска. Лореру сначала отказывают: «еще не унтер-офицер – всего только пять месяцев в корпусе...». Но это препятствие удается преодолеть, к великой своей радости, Николай становится прапорщиком. Сражается под Дрезденом, Кульмом. Лейпцигом, входит в Париж. В 1834-м, уже в звании майора, назначается в Вятский пехотный полк.

Оформляет это назначение Евгений Оболенский, по должности – дивизионный адъютант, а вне службы – один из создателей и руководитель революционного тайного Северного общества. Он рассказывает вызывающему симпатию боевому офицеру о целях этого общества, и тот решает присоединиться к воплощению светлых идеалов в жизнь. А полком, в который Николай прибывает на службу, командует полковник Павел Пестель, руководитель второго общества заговорщиков – Южного. Судьба майора Лорера решена. Он становится ближайшим соратником Пестеля, посвящен во все его планы, хранит составленную им «Русскую правду» – основной программный документ действий после свержения самодержжа-

вия.

После провала заговора декабристов его допрашивают высшие чины империи и даже сам Николай I. Он долго отрицает свое участие в заговоре, утверждает, что никогда не слышал о «Русской правде». И вынужден признаться лишь, когда ему предъявляют донос однополчанина Александра Майбороды и показания самого Пестеля. Но вину товарищей берет на себя. Год он проводит в сыром, населенном крысами каземате Петропавловской крепости размером меньше пяти квадратных метров, и потом признается, что это было самое тяжелое заточение за все 18 лет отбытия наказаний. А о дальнейшем свидетельствует документ:

«Сначала отрицался, а потом показал, что был принят в Южное общество в 1824 году. Знал, что цель оно состояла в введении республиканского правления с истреблением всей императорской фамилии и что положено было начать действия в 1826 году покушением на жизнь покойного императора; также слышал о сношениях с Польским обществом и о согласии Южного уступить Польше завоеванные у нее области. Действия его по обществу состояли только в том, что он ездил с поручением – один раз с письмом к Юшневскому, а другой – для словесного объяс-

Н. Бестужев. Портрет Н.И. Лорера. 1832 г.

Декабристы в ссылке. Читинский острог

нения с Матвеем Муравьевым-Апостолом. Он принял одного члена. По приговору Верховного уголовного суда осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке в каторжную работу на 12 лет. Высочайшим же указом 22 августа повелено оставить его в работе 8 лет, а потом обратиться на поселение в Сибири».

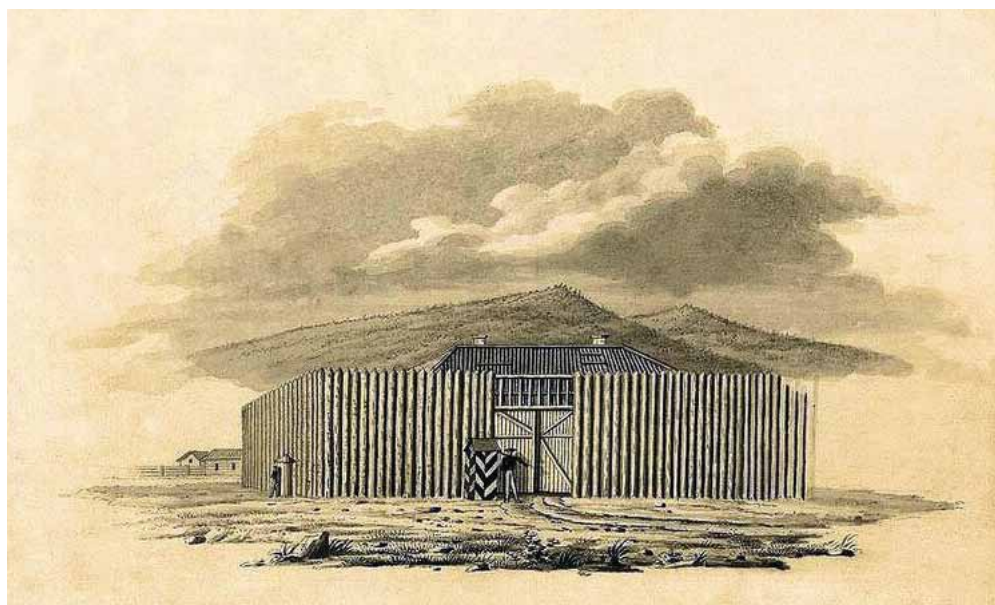
С января 1827-го Николай Иванович вместе с другом Михаилом Нарышкиным – в Читинском остроге, «весьма тесной и дурной крепости, откуда всякий день водили преступников на разные земляные работы». Но есть при этом и светлый момент: вместе с другими женами декабристов, последовавшими в Сибирь за мужьями, в Читу приезжает и жена Нарышкина – Елизавета, друг Лорера. Через пару лет 120 государственных преступников переводят в специально выстроенный для них Петровский завод. Там условия полегче. У каждого – комната с выходом в коридор, посылки получают без ограничений, так что, появляются нормальная еда на общем столе, библиотеки, музыкальные инструменты...

Но от работ никто не освобожден. Летом – чистка дорог, копание рвов, строительство нового шоссе, зимой – молотьба зерна на жерновах. А в свободное время – занятия

каким-нибудь ремеслом, разведение сада. И у декабристов появляются свои сапожники и слесари, портные и живописцы, садовники и огородники. Жены их снимают квартиры близ крепости, «получая от родных деньги и все нужное и нанимая прислугу».

Так проходят еще два года, и поступает указ о смягчении наказания – отправке на поселение. Лорер, «из-за невозможности получить от родственников достаточную помощь», ходатайствует, чтобы его поселили вместе с Нарышкиными, но получает отказ. Друзей привозят в

Читинский острог

Иркутск, чтобы там определить места поселений. Делает это генерал-губернатор Восточной Сибири Александр Лавинский.

«Господа, – объявляет он. – Я должен был бросить жребий между вами, чтоб назначить, кому где жить. Ежели б правительство предоставило мне это распоряжение, я, конечно, поместил бы вас по городам и местечкам, но повелением из Петербурга мне указывают места. Там совсем не знают Сибири и довольствуются тем, что раскидывают карту, отыщут точку, при которой написано «заштатный город», и думают, что это в

Н. Бестужев. Вид Петровского завода. 1834 г.

самом деле город, а он вовсе и не существует. Пустошь и снега. Кроме этого, мне запрещено селить вас вместе, даже двоих, и братья должны быть разрознены. Где же набрать в Сибири так много удобных мест для поселения? Кто из вас, господа, Лорер? Вам досталось по жребию нехорошее местечко – Мертвый Култук, за Байкалом. Там живут одни тунгусы и самоеды, и ежели вы найдете там рубленую избу, то можете считать себя счастливым. Впрочем, в утешение ваше скажу, ежели вы любитель природы, что местоположение там очаровательное и самое романтическое».

Ничего себе смягченье наказания! Лореру не остается иного, как ответить: «Красоты природы могут занимать и утешать свободного путешественника-туриста, но мне приходится кончать там свой век безвыездно». Правда, Лавинский уверяет, что уже попросил в Петербурге разрешения поселить его в другом месте и советует запастись чаем, сахаром, мукой, свечами, топором и какой-нибудь посудой. Все это помогают приобрести Нарышкины, добав-

ляющие еще книги и «предметы роскоши» – пару серебряных подсвечников и коробочку курительных свечей.

По дороге в Мертвый Култук (одно название-то каково!) казак, сопровождающий ссыльного, сообщает ему мало приятно: летом ехать по этой дороге «невыносимо или, лучше сказать, невозможно» – поперек нее ложатся медведи. А в месте поселения – лишь одна «рубленая избенка», зверолова-промышленника. В страшный мороз путники видят с перевала горный хребет, граничащий с Китаем, замерзший Байкал и «Мертвый Култук, т. е. с десяток шалашей, служащих жилищем тунгусам, самоедам и поселенцам». Изба там, действительно, единственная. Хозяин, промысляющий охотой на соболей, сдает за 5 рублей половину ее – крохотную чистенькую комнату, которую почти полностью заполняет скарб приехавшего. Окна закрыты слюдой и бычьим пузырем – стекла не выдерживают 40-градусный мороз...

Перспектива жизни здесь – самая мрачная. Во-первых, «придется мне доживать весь

мой век в этом медвежьем уголке, одному, отделенному 7 тыс. верст от родины, друзей, знакомых». А во-вторых и в главных, летом хозяин с женой уходят на промысел, оставляя избу пустой, но с хлебом и мукой: в нее приходят варнаки – беглые каторжники, «они весною, как хищные звери, идут толпами с Яблонового хребта, жгут деревни, грабят и убивают людей». Не оставишь еды – сожгут домишко. А уйти с хозяевами на охоту невозможно: «Там тебе будет больно нехорошо, еще хуже, чем здесь. Там в болотах такая мошка, муха, овод...».

Легко представить состояние несчастного ссыльного: «Этот простой рассказ показал мне во всей страшной наготе мою будущую жизнь... Я отчаивался... Скоро я потерял аппетит: ни одна книга меня не занимала, и шепот и урчание кипящего самовара одно развлекало меня...». Так продолжается трое суток. Вечером Лорер сидит «пред своим маленьким столиком грустный, задумчивый, по обыкновению». И вдруг – лай собак, звон колокольчика, крик погоняющего лошадей ямщика.

На пороге появляется казак, уехавший после того, как привез Лорера в это страшное место: «Николай Иванович, собирайтесь, вот вам письмо, едем в Иркутск». Письмо от Елизаветы Нарышкиной: «Дорогой Н... Приезжайте как можно скорее, мы будем спокойно жить в Кургане (в Тобольской губернии), на 4 тысячи верст ближе к нашему Отечеству!» Ошеломленный Лорер дарит хозяевам все свои припасы и вещи, платит за месяц вперед 5 рублей и, не смотря на ночь, спешит уехать. «Во всю дорогу я недоумевал, кто был моим избавителем и ходатаем? Кто устроил так, соединить меня с лучшими моими друзьями, Нарышкиными? Я этого не знал тогда, но во всю дорогу молил бога о здравии моего незнакомого благодетеля».

Оказывается, что благодетеля нет. Есть благодетельница – все та же «черноокая Россети». Любимая фрейлина императрицы Александры Федоровны во время своего дежурства воспользовалась тем, что Николай I был в хорошем расположении духа, и попросила его облегчить судьбу дяди – всего лишь поселить вместе с Нарышкиными. «Придворные куртизаны, – писал Лорер, – крепко боялись говорить о нас даже, но племянница моя, обладая прелестною наружностью, умом, бойкостью, пренебрегла придворным

Н. Бестужев. М.М. Нарышкин. 1832-1833 гг.

этикетом и добилась своего. Государь тут же спросил у Бенкендорфа, где я поселен, но граф, не зная места, замялся, и тогда государь сказал: «Все равно. Где поселен Нарышкин?» – «В Тобольской губернии, ваше величество». – «Так пошлите эстафету к Лавинскому с приказанием поселить дядю фрейлины Россет в том самом месте, где поселен Нарышкин». Этими короткими словами решила моя судьба, я избавился Култука и смерти от разбойников-варнаков».

И вот Лорер с Нарышкиными живут в городе Кургане Тобольской губернии, недалеко от границы Европейской России, на квартирах, с долей свободы – можно выезжать за 20 верст от города, но вечером непременно возвращаться. Вскоре появляются другие декабристы, ссыльные поляки, «образовался свой кружок». Некоторые строят дома, занимаются пахотой и садоводством. А на пятый год этой мирной поселенческой жизни в Курган прибывает 18-летний наследник престола, будущий Александр II. Не видя нигде декабристов, он остается недоволен тем, что им «велено было удалиться, чтоб не произвести на него дурного впечатления». И посылает проведать их своего наставника, поэта Василия Жуковского.

Тот – давний друг «преступников» и проводит с ними всю ночь. Наутро он уходит будить своего воспитанника, и тут же возвращается: Александр желает, чтобы все они были в церкви. Жуковский размещает опальных друзей поближе к молящемуся цесаревичу. А тот, по окончании обедни, пристально смотрит на них и... кивает им головой. Возвратившись в Петербург, он просит отца помиловать этих поселенцев, но император непреклонен: у него положено, «что декабристы не могут возвратиться иначе, как через Кавказ», он повелевает отправить туда «солдатами до выслуги» и обосновавшихся в Кургане.

А Лорер уже «сторговал себе хорошенький небольшой домик, задумывал и о женитьбе, чтоб не кончить своего века одиноким бобылем, даже назначил день и созвал приятелей,

Н. Бестужев. Портрет Е.П. Нарышкиной. 1832 г.

чтоб отпраздновать новоселье». И тут появляется городничий, в отличие от всех предыдущих визитов, в мундире: «Скажу вам новость довольно неприятную, Николай Иванович. Вы назначены солдатом на Кавказ...» – «Шутите?» – «Ей-богу, нет!» – «Были вы у Нарышкиных?» – «Был... Елизавета Петровна слегла в постель от этой новости». Известие о предстоящей солдатчине Николай Иванович воспринимает не иначе, как странное: «После 12-летней жизни в Сибири, с расклеившимся здоровьем, я снова должен, навьючив на себя ранец, взять ружье и в 48 лет служить на Кавказе». Городничему он возмущенно заявляет: «Если это новое наказание, то должны мне объявить мое преступление. Ежели же милость, то я могу от нее отказаться, что и намерен сделать». Но кому он это говорит – чиновнику, лишь извещающему о решении, принятом императором?

И летом 1837-го Николай Лорер в погонах рядового оказывается в Тенгинском полку Кавказского корпуса: «Пойду воевать с бедными горцами, которые мне ничего не сделали и против которых я ничего не имею». Служится ему трудно, от усталости и страшной жары, особенно с полной выкладкой, из носа и ушей идет кровь. Но

служит он так, что начальство ему благоволит, за пару лет он из рядового становится унтер-офицером, потом – прапорщиком. А физические трудности скрашивает то, что он сблизается с интереснейшими людьми – штабс-капитаном Львом Пушкиным, братом великого поэта, с начальником Черноморской Береговой линии генералом Николаем Раевским, с еще одним декабристом Александром Одоевским...

А однажды письмо и книгу, переданные племянницей Россет, ему приносит молодой офицер, представившийся «поручик Лермонтов». Фамилия эта Лореру ничего не говорит: «С первого шага нашего знакомства Лермонтов мне не понравился... он показался мне холодным, желчным, раздражительным и ненавистником человеческого рода вообще, и я должен был показаться ему мягким добряком, ежели он заметил мое ду-

шевное спокойствие и забвение всех зол, мною претерпленных от правительства. До сих пор не могу дать себе отчета, почему мне с ним было как-то неловко, и мы расстались вежливо, но холодно». Потом эта холодность исчезает, они часто встречаются, и Лорер становится одним из тех, кто общался с поэтом перед дуэлью. И как представитель их общего Тенгинского полка, он несет гроб с телом Лермонтова на кладбище.

Через год после похорон, в 1842-м – очередной сюрприз от Смирновой-Россет. Она пересылает записку, полученную от директора инспекторского департамента военного министерства, графа Петра Клейнмихеля: «Спешу поздравить А.О. Смирнову. Сегодня подписана государем отставка дядюшки вашего Н.И. Лорера по болезни». Но принципиальный Лорер далек от восторга: «Отставка моя довольно оригинальна тем, что по

исчислении моих подвигов на Кавказе как рядового начальство не поместило моей военной службы до ссылки в Сибирь, и в графе о происхождении прописало: «Из государственных преступников» и запретило въезд в обе столицы, подчинив меня надзору местной полиции. И тут еще не полное прощение, не полная свобода».

Действительно, о какой свободе может идти речь, если ему запрещен въезд в обе столицы, где живут все близкие ему люди? И он уезжает в семейное имение Водяное, принадлежащее теперь его брату Дмитрию, на могиле матушки Кетеван горько плачет «о потерянных счастливых днях своей юности». Женится на воспитаннице своей сестры Надежде Изотовой, живет тихой семейной жизнью. Казалось бы, теперь в его жизни «все утряслось», но судьба готовит новые испытания. Через 6 лет брака умирает жена, затем – двое из троих детей. Угнетает безденежье: «Брат мой дает мне на содержание 1500 рублей ассигнациями в год, кроме стола и квартиры. Конечно, сумма так ничтожна, что я не только прежние долги не уплатил, но с прибавлением семейства сделал новые и довольно значительные, судя по моим средствам, болезнь жены умножила долги, а доход все один и тот же».

Правда, Дмитрий просит царя после своей смерти сделать наследниками Николая Ивановича и его дочь Веру, тот соглашается «исключительно за службу на Кавказе». Потом – амнистия 1856 года, Лорер переезжает в Полтаву, берет там за перо. И оставляет нам интереснейшие, написанные живым языком «Записки моего времени». Уж кому-кому, а ему есть что рассказать «о времени и о себе»...

И знаете, как Николай Иванович в конце жизни объяснил, почему выбрал стезю, принесшую ему столько мук – физических и душевных? Очень просто: «Я не был ни якобинцем, ни республиканцем, – это не в моем характере. Но с самой юности я ненавидел все строгие насильственные меры!»

Р. Шведе. Портрет Н.И. Лорера. 1841 г.

Андро Энукидзе

Исполнилось 55 лет режиссеру театра и кино, педагогу, художественному руководителю Батумского драматического театра им. И. Чавчавадзе Андро Енукидзе. За годы творчества он поставил более 60-ти спектаклей в Грузии и за рубежом, снял несколько фильмов, получил и продолжает получать премии «За лучшую режиссуру» и «За лучший спектакль».

Почивать в бездействии на лаврах? Нет, это не про него. Андро Владимирович из разряда тех профессионалов, которые всегда идут вперед и создают что-то новое. Одно из недавних достижений – Первый Международный театральный фестиваль в Батуми, который Енукидзе придумал, основал, возглавил и провел.

«В нашей профессии нужна мудрость, – говорит Андро Енукидзе. – Это же колоссальная амбиция – собрать 500 человек и два часа продержать этих людей в одном помещении, показывая им свою точку зрения. Конечно, твоя точка зрения должна быть не просто яркой, хлесткой по форме, заразной, убедительной, она должна быть как минимум умной – и в способе подачи, и в гуманистическом отношении».

Нам остается добавить, что после спектаклей Андро Енукидзе, поставленных в Театре Грибоедова – будь то «Мцыри», «Достоевский.ru» или «Вишневый сад» хочется думать, хочется улыбнуться, пусть даже сквозь слезы. И почему-то возникает ясная уверенность, что все будет хорошо. А страдание – не самая большая цена за свет в конце тоннеля.

Поздравляем Андро Владимировича с круглой датой и от всего сердца желаем здоровья, благополучия и новых побед!

Алла Мамонтова

С юбилеем!

Жизнь, как погода, не всегда бывает солнечной, зачастую выдаются и пасмурные дни, даже если ты такая замечательная артистка, как Алла Мамонтова. Но никому еще не доводилось увидеть Аллу Михайловну в дурном расположении духа, сникшей или подавленной. Знаете, это тоже редкий талант (как и актерский) – встречать каждый новый день, как день рождения, радоваться тем светлым минутам, которые дарит судьба.

В январе актриса отметила круглую дату. Не спрашивайте, сколько ей исполнилось, ведь, как говорила Одри Хепберн, «красота женщины возрастает вместе с ее годами». Алла Мамонтова – из числа таких женщин.

За ее плечами роли в таких знаковых постановках Грибоедовского, как «Мастер и Маргарита» и «Ханума», «Анна Каренина» и «Вишневый сад». Она выходит на сцену в спектаклях «Холстомер», «Кроткая», «Нахлебник», радует самых требовательных зрителей – детей – в музыкальных сказках. Не скроем – нам хотелось бы видеть Аллу Мамонтову в новых ролях чаще. И сегодня (тем более, когда исполнилось 40 лет ее служения в Театре Грибоедова) мы с удовольствием поздравляем Аллу Михайловну и желаем ей счастливых премьер и гастролей, а еще – удачи, без которой не обходится ни одно успешное дело!

Сцена из спектакля «May B»

«КОЛОКОЛЬЧИКИ И ЗАКЛИНАНИЯ» ТБИЛИССКОГО «САЧУКАРИ»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Двадцать второй по счету Тбилисский международный фестиваль искусств «Gift» имени Михаила Туманишвили познакомил соотечественников с новыми знаковыми именами мировой сцены. Открыла театральный сезон французская танцовщица и хореограф **Маги Марен**, одна из лидеров современного французского танца экспериментального направления «не-танец» («нового французского танца»), продолжательница традиций немецкого хореографа Пины Бауш. Она привезла в Тбилиси знаменитый спектакль «May B», ставший знаковым в ее творческой биографии. Для наших театралов увидеть эту легендарную постановку 1981 года – огромная удача!

В основе «May B» – драматургия Семюэля Беккета, вдохновившего Маги Марен на создание этого необычного театрального действия. Как пи-

шут исследователи творчества французского абсурдиста, «герои Беккета не тягостятся своим уродством, оно даже помогает им жить. Слепой старик, герой пьесы «Все падающие», говорит о себе: «Потеря зрения меня подхлестнула. Если бы я мог стать глухонемым, я дотянул бы до ста лет». Не менее легко воспринимают свое уродство и герои пьесы «Конец игры». «Нет ничего забавнее несчастья... Да, да, это самая смешная вещь в мире», – утверждает безногий отец героя, обитающий в мусорном ящике на песке или на опилках. Стремясь подчеркнуть атмосферу уродства, патологии, окружающей человека, Беккет живописует в своих пьесах антиэстетизм, маразм жизни».

Собственно, этому мы и станем свидетелями в спектакле Маги Марен: антиэстетизм, возведенный в эстетический принцип (кстати, именно ей при-

надлежит высказывание: «Искусство должно ставить под сомнение мир и противостоять ему»). На сцене – десять весьма странных, неприглядных человеческих особей с выбеленными лицами, одетых в ветхие, грязно-бежевого цвета костюмы. Эти убогие немолодые люди с длинными носами, беззубыми ухмылками и шаркающей походкой совершают одни и те же неуклюжие ритмические движения, куда-то постоянно устремлены, но это стремление бесцельно и бессмысленно. Или направлено против кого-то. В одной из сцен мы видим ожесточенное противостояние групп людей (в спектакле они напоминают брейгелевских «Слепых») – сначала их две, потом – три и, наконец, схватка происходит один на один. Безысходность ситуации подчеркивает «Трагическая симфония» N4 Шуберта.

Как ни удивительно, эти пер-

сонажи не вызывают сострадание – разве что брезгливую жалость. Потому что в спектакле «May B» человек показан некрасивым, «физиологичным», наделенным низменными страстями. На сцене появляются хорошо знакомые беккетовские персонажи из пьес «В ожидании Годо» – Поццо и его раб Лакки, «Конец игры» – Клов, Хамм и другие.

Во второй части представления эти люди отправляются в дальнее путешествие. Со своими скромными пожитками в чемоданах. В пути один уплетает морковь, другой заправляется бананом, третий с аппетитом ест куриную ногу... Медленно, тяжело, монотонно, преодолевая препятствия, они следуют в никуда. Или, если трактовать иначе, они идут «куда-то», но на самом деле – навстречу неизбежной смерти. Под душераздирающую «Пьяную балладу» композитора Гевина Брайерса. Ведь этот долгий путь убогих и несчастных – метафора нашей жизни. К финалу спектакля из десяти персонажей на сцене остается лишь один бедолага, поет печальную арию и замирает в полупоклоне с чемоданом в руке. И вот тут, под занавес, одинокий, уязвимый и обреченный человек вызывает наконец-то самое настоящее чувство сострадания!

Еще одно высказывание принадлежит американской танцов-

щице и хореографу, работающей преимущественно во Франции, **Каролин Карлсон**, для которой contemporary dance (современный танец) неразрывно связан с философией и духовностью. Спектакль называется «На перекрестке синхронности» и представляет собой пластическую интерпретацию идей известного швейцарского философа и психотерапевта Карла Густава Юнга. В основе хореографической образности Каролин Карлсон – его концепция подсознания, которое предстает в трактовке ученого удивительным миром, живым и реальным, безгранично богатым и ярким. Языком подсознания являются символы, а средством общения – сновидения. На сцене мы видим красную дверь, к которой стремятся, за которой время от времени скрываются персонажи. Этот символ отсылает нас к «красной книге» Юнга – уникальному дневнику его фантазий (сновидений), опубликованной лишь в 2009 году.

Контрастом к хореографическим изыскам современного европейца явилось выступление испанской танцовщицы **Росио Молина** (она была представлена в программе «В фокусе – Испания»), объединившей фламенко и классический танец. В то время, как Маги Марен осуществляет абсурдистское осмысление реальности и человеческой при-

роды, а Каролин Карлсон погружает нас в лабиринты подсознания, Росио Молина в спектакле «Падший ангел» предлагает вернуться к корням, к земле, соединиться с чувственной стихией жизни. Причем все происходит на тончайшей, зыбкой грани чистоты и порока. Артистка появляется на сцене в белом – как воплощение самой невинности. Но вскоре сбрасывает с себя одежду, предстает перед зрителями нагой. И это, как ни странно, вовсе не шокирует публику – скорее, напротив, воспринимается как торжество духовной и нравственной непорочности.

Танцовщица фламенко (их называют байлаора) рисует свои замысловатые хореографические письмена на двух «полотнах» – на сцене и экране (отражение). И делает это подолом своего платья, который перед этим опускает в краску – как живописец свою кисть перед тем, как нанести мазок на холст. В кульминационной сцене, когда страсти накалены до предела, на экране появляется луна. Образ горячей испанки вызывает ассоциации с творчеством Федерико Гарсиа Лорки, персонажами его шедевра – «Дом Бернарды Альба». И в памяти воскресают строки «Романса о луне»: «Луна в жасминовой шали явилась в кузню к цыганам. И смотрит, смотрит ребенок, и смутен взгляд мальчугана. Луна закинула руки и дразнит ветер полночный своей оловянной грудью, бесстыдной и непорочной...».

Впрочем, на фестивале «Gift» был заявлен и сам Лорка со своей последней пьесой, которую он так и не увидел в сценическом воплощении. Потому что в 1936 году был репрессирован, а премьера состоялась лишь девять лет спустя – в 1945-м. И вот современные испанцы предложили совершенно новое прочтение – спектакль стал своего рода акцией во славу свободы женщины и – шире – свободы личности.

Все роли в нем играют мужчины. Учитывая, что практически все герои в пьесе – женщины (за исключением одного, который так и не появляется на сцене), это решение режиссера **Карлотты Феррер** читается как концептуальное. Перевоплощаясь в

Сцена из спектакля «May B»

Сцена из спектакля «На перекрестке синхронности»

персонажей Лорки, проникаясь их проблемами и переживаниями, мужчины-актеры глубже осознают драматизм положения испанских женщин того периода и острее выражают протест против тирании и стремление к свободе. «Нет, это не дом Бернадды Альба» («*Esto no es la casa de Bernarda Alba*») – так назвали спектакль (Teatros del canal and Draft.inn (meine seele S.L.) его создатели. По ассоциации со знаменитой работой Рене Магритта «Это не трубка», утверждающей свободное соотношение слова и образа (кстати, этому художнику посвятила свою работу Карлотта Феррер).

Чтобы осознать эту концепцию до конца, необходимо помнить, что «Дом Бернадды Альба» – знаковая для традиционной Испании пьеса. И демонстративное отмежевание Карлотты Феррер и автора инсценировки Хосе Мануэля Мора от классической трактовки шедевра Лорки – это своего рода культурная революция.

По замыслу авторов, историю Бернадды и ее дочерей разыгрывают художники, собравшиеся в музее, чтобы подготовить инсталляцию к выставке. Отсюда – суперсовременное и минималистичное оформление сценического пространства. В спектакле особенно впечатляют выразительные хореографиче-

ские ансамблевые сцены.

Постановка Карлотты Феррер заканчивается страстным и длинным монологом – манифестом во славу идей феминизма. Его произносит в зал один из персонажей.

На фестивале произошло знакомство тбилисских театралов с еще одним ярким явлением мирового театра – внучкой Чарли Чаплина, актрисой театра и кино **Аурелией Тьере**. Выросшая в цирковой семье Виктории Тьере-Чаплин и Джеймса Мартинеса, она в какой-то момент отошла от цирка и увлеклась разными жанрами и видами искусства, захватывающими проектами, в которые были вовлечены талантливые личности, занималась современным балетом, выступала в берлинском кабаре, гастролировала с лондонской группой, работающей в комедийно-трагическом стиле, Tiger Lillies (кстати, эта группа года два назад приезжала в Тбилиси с музыкальным спектаклем, посвященным Эдгару По), сотрудничала с культовыми режиссерами Милошем Форманом, Жаком Баратье, Колин Серро. Конечно, широта творческого диапазона Аурелии Тьере не могла не проявиться в спектакле, который показали в Тбилиси – «Колокольчики и заклинания». При этом передо мной как зрителем все время маячил образ гениального деда Аурелии – в

своей автобиографии Чаплин писал о своем обаятельном бродяге: «Он очень разносторонен – он и бродяга, и джентльмен, и поэт, и мечтатель, а в общем это одинокое существо, мечтающее о красивой любви и приключениях». Героиня Аурелии в спектакле «Колокольчики и заклинания» (лионский Theatre les Celestins, женевский театр-ателье «Carouge», миланский продюсерский центр Change Performing Arts) – тоже одинокая, неприкаянная мечтательница, склонная к авантюрам и обладающая невероятной фантазией, преобразующей реальный мир в прекрасную сказку.

Как отметила Аурелия Тьере, все придумывает ее мама – Виктория Тьере-Чаплин, от идеи до ее режиссерского воплощения вплоть до сценографии. «Она берет что-то из жизни, из каких-то событий, которые привлекли ее внимание, из своих мечтаний тоже. А я захожу в ее рисунок и стараюсь его приладить на себя, придумываю свое понимание ее рисунка, приношу свои какие-то предложения. И в этом смысле это, конечно, наше сотрудничество, наше совместное творчество», – рассказывает актриса.

«Колокольчики и заклинания» – их третья совместная работа. В этом спектакле – вдохновляющем, окрыляющем зрителей, – одушевляются окружающие

Росио Молина в спектакле «Падший ангел»

нас неодоушевленные предметы. Платье начинает танцевать, стол и стулья – ходить, происходит много других чудес, которые приготовили для зрителей талантливые потомки великого Чаплина.

Начнем с того, что героиня Аурелии – виртуозная, артистичная клептоманка. Но отнюдь не в криминальном смысле этого слова. Скорее это искательница приключений, фантазерка, жаждущая красивой, яркой жизни, далекой от рутины и нищеты. Нищеты – не только в смысле бедности, а скорее в другом значении: нищеты духа, бескрылости серого существования. Отсюда склонность очаровательной клептоманки к каким-то экстраординарным поступкам, желание преобразовать повседневность – в праздник. К примеру, как попасть из дня сегодняшнего – в эпоху Древнего Рима, изображенную на полотне в картинной галерее? И девушке это удастся – проникнуть в картину, сесть на коня и принять участие в сражении как римский легионер. Или сложить обыкновенные вешалки в фантастическое существо, чем-то напоминающее Пегас, и ускакать на крылатом коне в мир светлой и прекрасной мечты. Или слиться с пото-

ком струящейся, подобно водопаду, ниспадающей ткани. Или превратить обычное постельное белье, которое сушится на веревке, в причудливые костюмы... а потом и в дикувинную птицу! Увы, иллюзии в конце концов развеиваются и наступает скучная реальность.

В спектакле «Колокольчики и заклинания» столько филигранных иллюзионных трюков и фокусов, что просто дух захватывает, и невозможно поймать момент, когда буквально на наших глазах происходит очередное волшебное превращение. Пожилая нищенка в лохмотьях в секунду становится прекрасной молодой женщиной, одетой в роскошное золотое платье. А потом, оказавшись в доме кавалера-аристократа, внезапно исчезает, словно растворившись в кресле. В мгновение ока одно платье на Аурелии сменяет другое – то, которое она только что украла в магазине женской одежды. Еще мгновение – и на актрисе вновь прежний наряд. Постановку Виктории Тьере-Чаплин можно сравнить с волшебной шкатулкой. Открываются магические врата – и перед тобой приоткрытый мир мечты и утонченной красоты! С замиранием сердца ты отдаешься этому чуду, восхи-

щаясь мастерством и обаянием актрисы.

Сама хозяйка фестиваля, неутомимая, креативная, влюбленная в театр **Кети Долидзе**, представила две свои работы. Одна из них – спектакль Батумского театра имени И. Чавчавадзе «Где-то там, за радугой» по пьесе Лаши Табукашвили. Это история большой любви, обреченной на гибель в жестоком, равнодушном мире. Но только она может противостоять цинизму, неверию и бесчеловечности – такова позиция авторов. Кети Долидзе использует прием «театр в театре» – мы видим на сцене создателей будущего спектакля, оказываемся на театральной кухне, на которой рождается постановка о вечном противостоянии мечты и реальности. Руставский муниципальный театр представил второй спектакль К. Долидзе – «Доброе утро, сто долларов!» Инги Гаручава и Петра Хотяновского.

Важной частью фестиваля были встречи, мастер-классы, пресс-конференции. Во время этих встреч обсуждалась, в том числе, роль фестивалей в развитии диалога между театром и городом. Потому что фестивали должны рассматривать в качестве своих сценических площа-

Сцена из спектакля «Нет, это не дом Бернарды Альба»

док не только собственно театры, но и другие пространства, что привлечет к ним внимание самых разных слоев населения. По словам исполнительного директора программы «В фокусе – Испания» Лоренцо Папагалло, «фестиваль – это хороший вирус, который может быть распространен на весь город». В течение месяца-полутора для самых разных зрителей, далеких от театра, окружающая реальность должна преобразиться. Так что фестивали нужны не только людям культуры или тем, кто ею интересуется, но и всем остальным слоям населения. Публика становится зеркалом того, что предлагают им люди искусства. А потом размышляет об увиденном на фестивале. Происходят дебаты, обмен мнениями (форма рефлексии).

На одной из встреч присутствовал **Бернар Фэвр д'Арсье**, двадцать лет возглавлявший Авиньонский театральный фестиваль. Заслуга превращения этого культурного события в международный театральный смотр принадлежит именно ему (Бернар Фэвр д'Арсье занимал пост директора в 1980-1984 и в 1993-2003 гг.). В 1990-х гг. д'Арсье включил в фестивальную программу спектакли из Японии, Кореи, Тайваня (КНР), Индии, стран Африки и Латинской Америки, в 1997 году в Авиньоне прошел «русский сезон». Также д'Арсье добился того, чтобы финансирование фестиваля перешло с муниципального на

Аурелия Тьере в спектакле «Колокольчики и заклинания»

государственное.

В Тбилиси он рассказал об истории создания Авиньонского фестиваля, привлекающего сегодня самых разных людей со всего мира, превращающего обычных зрителей в театралов. Фестиваль, основанный в 1947 году французским актером и режиссером Жаном Виларом, оживил исторические места, здания и помещения Авиньона, были созданы постоянные институции, и театральный смотр стал источником благополучия для многих семей региона. Авиньонский фестиваль сегодня – это престиж, экономические и политические интересы. Цель его организаторов – привлечение всех

социальных слоев.

Как рассказал д'Арсье, сначала различные фестивали конкурировали в том, чтобы у них были представлены лучшие спектакли и режиссеры. Сегодня все они стали международными, финансирование сокращено, и фестивали вынуждены сотрудничать. Представители 15 ведущих международных фестивалей собрались и начали путешествовать в поисках лучших спектаклей – и в итоге вывели на международную арену режиссеров Оскараса Коршуноваса и Кшиштофа Варликовского.

По мнению д'Арсье, тбилисский фестиваль «Gift» должен развиваться в сторону нацио-

нальной программы, чтобы продюсеры, директора, театроведы могли увидеть именно грузинские спектакли. Он рассказал о том, как когда-то на Западе узнали о существовании в Грузии театра Роберта Стура, как пригласили на Авиньонский фестиваль спектакли «Ричард III» и «Кавказский меловой круг». Они шли без перевода – зрители получили только флайеры. Когда посмотрели «Ричарда», были буквально потрясены увиденным!

«Мы должны искать возможности для сосуществования и контакта», – отметил в заключение Бернар Фэвр д'Арсье.

Ирина Квижинадзе

НАЧАЛО НАЧАЛ

«Быть или не быть русскому театру в Грузии?» – вот в чем вопрос. Долгие годы, начиная с тяжелых 1990-х, он не переставал волновать каждого, кому дорога русская театральная культура, русское слово, русская речь. И, конечно, каждый верил, что все как-то наладится, обойдется, само собой устроится. Но, как сказано в самой великой книге человечества, вера без дел мертва. Надо было что-то делать. И директор театра им. Грибоедова, президент Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий – сделал!

Десять лет назад, по его инициативе при поддержке Международного Благотворительного фонда КАРТУ, был создан Театр-студия юного актера «Золотое крыльцо». Задумка была проста и прекрасна – собрать под одной крышей детей и подростков, увлеченных искус-

ством, и дать им возможность, под руководством профессионалов, заниматься русским театром на русском языке.

К руководству студией была приглашена заслуженная артистка Грузии, кавалер Ордена Чести Ирина Квижинадзе. Лучшей кандидатуры нельзя было и вообразить. Конечно, вы знаете эту блистательную актрису, сыгравшую на сцене театра им. Грибоедова около 50-ти самых разных ролей: Натали Пушкина – «Шаги Командора» В. Коростылева, Марютка – «Сорок первый» Б. Лавренева, Зося – «Час пик» Е. Ставинского, Сумасшедшая Марго – «Закон вечности» Н. Думбадзе, Брандохлыстова – «Смерть Тарелкина» А. Сухово-Кобылина, Раневская – «Вишневый сад» А. Чехова, Сваха Фекла Ивановна – «Женитьба» Н. Гоголя и десятки других персонажей – всегда

ярких и запоминающихся. Но, может быть, вам не известно, что Ирина Владимировна – преподаватель с большим стажем. С 1999-го по 2006 г. она работала режиссером московской Детской школы искусств, где получила категорию преподавателя высшей квалификации. Награждена Почетными грамотами Управления культуры г. Москва «за вклад в дело воспитания творческой личности» и «за плодотворную деятельность в сфере художественного образования и эстетического воспитания детей и юношества». А уж сколько дипломов на различных театральных фестивалях получили поставленные ею спектакли – и не сосчитать!

В 2006 году Ирина Квижинадзе вернулась на родную грибоедовскую сцену, в 2009-м – возглавила «Золотое крыльцо». И началось!

За десять лет было поставлено 28 спектаклей разных жанров по произведениям русской и зарубежной классики.

Общее количество воспитанников уже давно перевалило за 100. Первые выпускники студии, окончив Грузинский государственный университет театра и кино им. Ш. Руставели, стали актерами Театра им. А.С. Грибоедова – это Мераб Кусикашвили, Михаил Гавашели, Владимир Новосардов, Гванца Шарвадзе, Кристина и Хатия Беруашвили.

Конечно, каждый из них с благодарностью вспомнит тех педагогов, которые занимались с ними в Грузинском государственном университете театра и кино им. Шота Руставели. Но все началось с «Золотого крыльца», с уроков, репетиций и спектаклей Ирины Владимировны Квижинадзе. В общем-то, именно она – «крестная мама» почти всех молодых грибоедовцев.

Музыку к спектаклям «Золотого крыльца» пишет известный грузинский композитор Тенгиз Джаиани. Постановкой танцев и сценическим движением со студийцами занимается хореограф Давид Метревели.

...Пройдут годы. Кто-то из учащихся «Золотого крыльца» станет актером, кто-то нет. Но в любом случае они обязательно

Сцена из спектакля «Идиот»

станут талантливыми театральными зрителями. И, кроме того, никогда не забудут тех ярких дней, когда занимались прекрасным делом – репетировали до изнеможения, а потом выходили на сцену старейшего театра страны, играли – вдохновенно, легко, изобретательно – и получали заслуженные цветы и аплодисменты.

Право же, юность, озаренная театром, это действительно счастливая юность!

Такое не забывается!

Спасибо, «Золотое крыльцо»!

ЛЕВАН ТАРХАНИДИС

Ровно 10 лет назад, не задумываясь ни на минуту, я пришел на собеседование к самому замечательному человеку, педагогу и другу – Ирине Владимировне. Для меня студия стала источником позитива, энергии, толчком для развития. Благодаря «Золотому крыльцу» я осуществил и осуществляю свою мечту – выхожу на сцену и играю в театре, а это удивительные ощущения. Я развил воображение, общаюсь с огромным количеством замечательных людей и еще много чего, но, пожалуй, самое важное – я «нашел себя», «попал в свой мир». Каждое занятие заряжает положительной энергией, дарит огромное количество позитива. Театральная студия позволяет мне осуществить мою детскую

мечту, заниматься тем, что я люблю.

МАРИ АСЛАМАЗОВА

Моя театральная деятельность в студии «Золотое крыльцо» началась в 2010-ом году. Я еще в школе узнала о том, что набирается группа. Я, можно сказать, с первого дня в студии

и хочу поделиться своими впечатлениями и просто мыслями. Театральная сфера и, в частности, студия «Золотое крыльцо» – это совершенно другой мир. Это мир полезных и нужных знаний и опыта, мир положительных и завораживающих эмоций! Это адреналин, экстрим, смех, слезы, радость, мечта, любовь, стремление и даже разочарование...

Я помню первый спектакль, который я видела в театре имени А. Грибоедова. Это был спектакль «Жизнь прекрасна». Жизнь и впрямь прекрасна, когда попадаешь в этот мир, огонек, который тогда зажегся в моих глазах, скрашивал серые будни и я уверена, что так было у всех! Опыт, который я получила, бесценен и кто знает, может мы еще встретимся! Хочу поблагодарить нашу любимую, талантливую и душевную И.В. Квижинадзе! Она внесла огромную лепту в студию, в нас и во все постановки!

НАТИЯ МАКАЛАТИЯ

Однажды... С этого простого слова начинаются самые непростые удивительные истории

Сцена из спектакля «Двое»

Сцена из спектакля «Три мушкетера»

и волшебные сказки. Однажды давным-давно, а точнее 10 лет назад, мои родители привели меня на кастинг. Как каждый ребенок, я волновалась перед важной для меня встречей, и эта встреча состоялась не зря, мою жизнь изменила студия «Золотое крыльцо» уже не просто студия, а театр-студия. Наш педагог, режиссер, заслуженная актриса Грузии Ирина Владимировна Квижинадзе, я смело могу назвать ее моей второй мамой, мамой театра. Она и выслушает, и посоветует и отругает. В каждом из нас умеет разглядеть то, чего мы сами порой не замечаем. Как краски на палитре смешивает она наши характеры, индивидуальности, создавая новые спектакли, начиная от сказок и до серьезной взрослой классики. Сцена дарит неповторимые мгновения, оказавшись на ней, ты общаешься с залом словами своего персонажа, ощущаешь на себе взгляд каждого зрителя. Я безгранично счастлива в те минуты, когда могу почувствовать контакт с каждым сидящим и выложиться на все сто. Спасибо Тбилисскому русскому драматическому театру имени А.С. Грибоедова и вам, моя дорогая Ирина Владимировна! Здоровья и много новых спектаклей, а мы с вами!

СЕРГЕЙ НАСИБЯН

В студию я попал в 2018 году. В сентябре этого года будет ровно два года, как я являюсь членом театральной студии «Золотое крыльцо».

Впечатлений очень много и все эти впечатления положительные. За год в студии я познакомился со многими хорошими людьми, узнал очень многое и приобрел огромный опыт для будущего. Из желаний у меня самое большое то, чтобы

студия существовала еще очень долгое время, много интересных, захватывающих и хороших спектаклей, которые будут радовать как нас, так и зрителей. Можно сказать еще и то, что благодаря студии я нашел себя в этой жизни, познакомился с таким видом искусства, которому хочу посвятить свою жизнь...

ДАВИД КОРЧАГИН

Первые дни в студии были невероятно волнительными!

Сцена из спектакля «Странная миссис Сэвидж»

Сцена из спектакля «Провинциалка»

Еще при входе в здание ты встречаешь тех людей, которых еще вчера видел на сцене, тех, на кого смотрел со зрительского места и восхищался их игрой! Меня поразило то, с каким уважением и любовью все члены труппы приняли меня. Каждый помогал мне освоиться, давал советы по игре, а во время первого выступления (самый волнительный этап для каждого актера) все поддерживали и разряжали обстановку. Рассказываю о своих смешных историях дебюта... Хочется сказать спасибо каждому, но отдельную благодарность заслуживает человек, который относится к каждому члену команды, как к своему ребенку, который желает успеха каждому!

Ирина Владимировна – человек с большим и очень добрым сердцем! Именно благодаря ей мы из года в год ставим новые спектакли и радуем зрителей!

АННА ВАРТАНОВА

Я узнала о студии задолго до моего появления там. Одноклассница моего брата часто звала нас на спектакли, когда я была еще маленькой. Всегда ходила с большим удовольствием и было приятно смотреть, как дети приблизительно моего

возраста невероятно играют. В возрасте 17 лет познакомилась с мальчиком из «Золотого крыльца». Я ему сказала, что давно хочу в эту студию, но слышала, что туда сложно попасть. Он и привел меня на кастинг, и я стала частью семьи. Сколько себя помню, меня всегда считали артистичной. Я часто выходила на конкурсы чтецов и была членом театрального кружка в школе, т.е. сцена была мне привычна, но попав в студию, я поняла, насколько кардинальная разница в работе на настоящей сцене, начиная от взгляда, голоса, жеста, заканчивая декорацией и постановкой света. Это уникальный опыт. За каждым талантливым студийцем, за каждой постановкой стоит человек, с которого, наверное, все это началось – Ирина Владимировна. Удивительная женщина, которая не просто наш наставник, а друг, мама, человек, у которого большое и доброе сердце. Она вкладывает душу, здоровье, любовь, свои знания, талант и опыт в каждого из нас. Она занимает большое место в сердце каждого, кто был в этой студии.

СЕРГЕЙ КАМАЛОВ

«Актер студии». Если бы это

сказали десятилетнему Сереже, что он будет играть на сцене театра им. Грибоедова, он бы вам ничего не ответил, но засмутился. Ведь он говорить-то не мог на аудиторию более пяти человек, а тут целый зал зрителей, но желание и интерес у него были всегда.

Все началось летом 2016-го. В лагере я познакомился с одним из студийцев. Мы разговорились, и он сказал, что играет в студии. Это меня удивило и в то же время обрадовало, ведь мое общение с актерами ограничивалось лишь аплодисментами во время поклона... и я задумался: «А не попробовать ли мне? Комплексы убавились, да и что мне терять».

Настал день «Х». Я подготовил стих Есенина «Выхожу один я на дорогу», вошел в 709 и в ту же секунду весь задрожал. Начал читать и все это время чувствовал невообразимую дрожь по всему телу. В какой-то момент Ирина Владимировна меня остановила:

– Ужасно читаешь, но есть голос. Будешь играть Ганнибала. Саша, дай ему пьесу, пусть распечатает, – сказала она.

Я благодарен театру и особенно Ирине Владимировне. Эти четыре года в студии изменили мое ментальное состояние. Я начал глубже понимать персонажей, литературу, сам писать начал, да, Сережа который в школе не мог писать сочинения, сейчас пишет рассказы и имеет амбиции написать книгу. Это уже не тот Сережа и я этому очень рад.

Театр – это отдельный мир, где люди могут стать теми, кем всегда хотели быть, либо персонажами, которые за гранью понимания.

ВЕРОНИКА ЗАВОНОВА

Я пришла в студию в 2019 году, когда подруга прислала ссылку на кастинг, сказала, это точно мое. Я решила, ведь было давнее желание играть, быть в коллективе, который объединен одной большой идеей. Для меня театр – особая форма жизни, где каждый через творчество может раскрыть новые грани себя, отыскать новые чувства, осознать что-то. Мой недолгий опыт в студии уже дал

Сцена из спектакля «Нью-Йорк, Нью-Йорк!»

свои плоды. Понимание ответственности, чувства поддержки и особая атмосфера – то, ради чего я в театре. И душа студии – Ирина Владимировна, человек, который учит бескорыстно отдавать.

АЛЕКСАНДР НАТОЧИЕВ

Я нашел вторую семью, ребят, с которыми делаем общее дело, и главное, вторую маму, Ирину Владимировну Квижинадзе. Долго не решался прийти, боялся жесткого отбора. Но в итоге решился. Ее энтузиазм заражает и поражает. Заставляет думать, чувствовать. Глядя на нее хочется развиваться, быть лучше чем ты есть.

СОФИЯ ОРДЕНИДЗЕ

Узнала о «Золотом крыльце» от подруги, к которой часто ходила на спектакли и с таким восторгом заходила к ней за кулисы, словами не передать. Подумала, что тоже хотела бы играть на сцене. Тщательно выбирала стихотворение, с которым приду на кастинг и с большим волнением, с дрожью в голосе, уже стояла перед Ириной Владимировной. К счастью, все прошло относительно хоро-

шо, и в тот же день я осталась с восторгом наблюдать за репетиционным процессом. Театр вырастил меня и сформировал как личность. Я очень благодарна нашему режиссеру и гениальной актрисе И.В. Квижинадзе за то, что позволила мне стать частью чего-то большего.

НИКА ГОГИАШВИЛИ

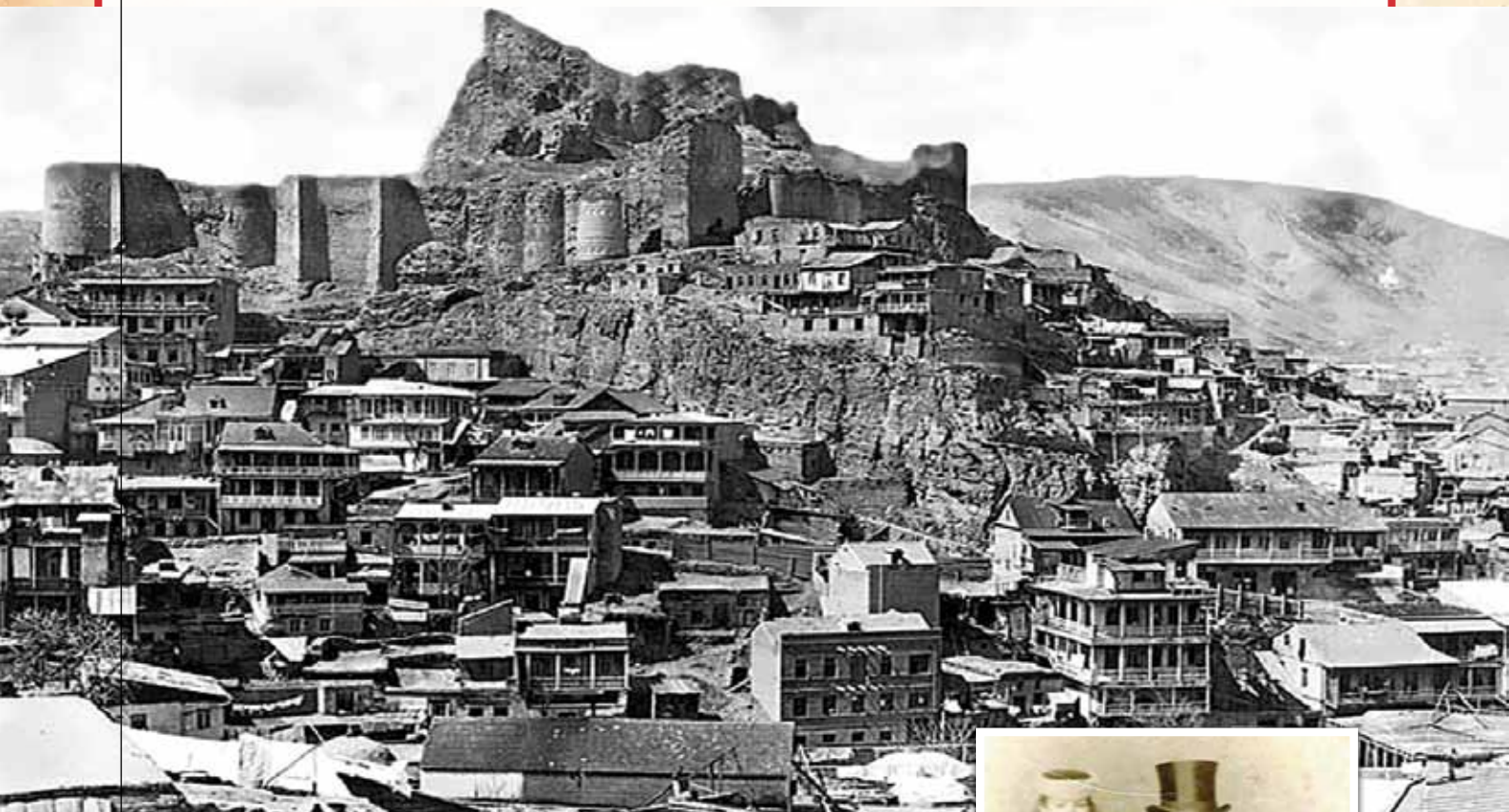
В студии «Золотое крыльце» я играю с 2015 года. Мама всегда хотела видеть меня на сцене, ну и чтобы сделать маме приятное, я решил попробовать, думая, что это ненадолго... С тех пор я в студии. Великолепные постановки, чудесный художественный руководитель Ирина Владимировна Квижинадзе, благодаря которой в мою жизнь добавились искусство и любовь к нему, дружный коллектив и атмосфера не просто любительской студии, а настоящего театра – вот из-за этого я на всю жизнь останусь привязанным к театральному искусству.

Я учусь на юриста, но без сомнений, театр – вот, что я люблю на самом деле. Не думаю, что я когда-нибудь стану актером, но до конца жизни буду благодарен И.В. Квижинадзе за те

теплые воспоминания, которые на всю жизнь останутся в моем сердце.

МАРИЯ ЧУМАЧЕНКО

История нашей студии «Золотое крыльце» началась 10 лет назад, в октябре 2009 года. Побывав однажды на спектакле, я полюбила театр раз и навсегда. Я начала бредить театром. И вот настал тот день, когда мамина подруга прочла в газете статью о том, что идет набор детей в молодежную студию театра им. А.С. Грибоедова. Я прошла кастинг и меня взяли. Взяли! Я долго не могла поверить своему счастью. Прошло много времени... С тех пор я не просто иду на репетицию, я лечу. Это неопределимое чувство, когда ты не просто стоишь на сцене и играешь, а когда ты живешь в этом образе. А наша наставница И.В. Квижинадзе за все эти годы, проведенные в студии, для нас стала не только педагогом, но и лучшим другом, членом семьи. Мы ее очень любим! Сколько бы мы ни благодарили ее, все будет мало. Так позвольте нам сказать одно только слово – спасибо!

Тифлис

ИСТИННЫЙ КАВКАЗЕЦ: АРНОЛЬД ЛЬВОВИЧ ЗИССЕРМАН

■ **Константин ЗИССЕРМАН**
Нинель МЕЛКАДЗЕ

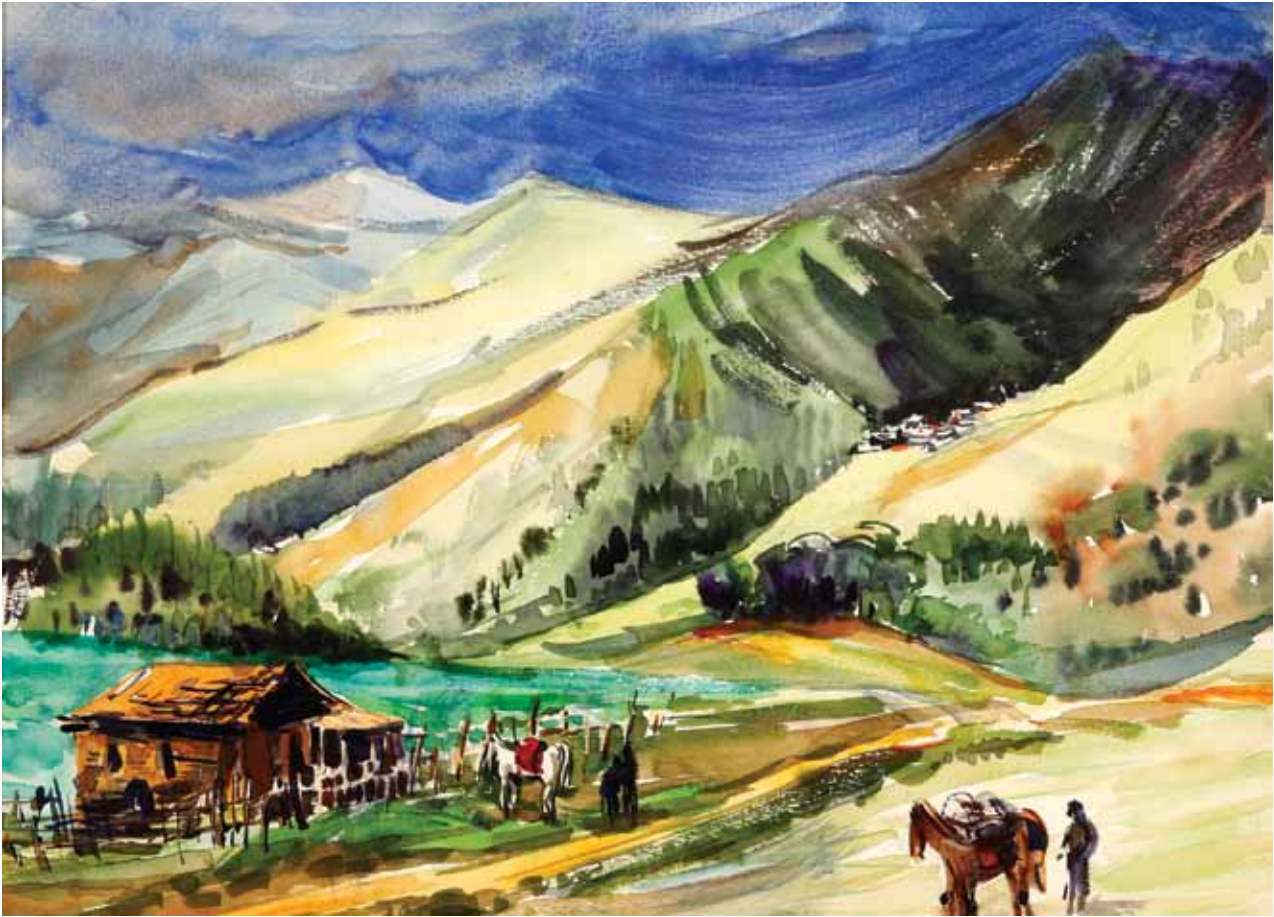
Трудно найти научные исследования, посвященные Кавказу девятнадцатого века, в которых не цитировались бы труды Арнольда Львовича Зиссермана, военного историка, мемуариста, летописца Кавказа, двадцать пять лет жизни посвятившего этому краю (с 1842 до 1867 года). Благодаря информационной насыщенности произведений А.Л. Зиссермана, в которых он щеголяет своим довольно-таки основательным владением кавказскими языками, достоверности изложения описываемых событий, изысканного стиля, легкого слога, яркого, образного языка, полного живописных сравнений — они и сегодня с интересом читаются и активно цитируются.

В наше время, когда многие читатели предпочитают романам документальную литературу, появилось немало интересных работ и новых направлений, включая исследования ориенталистского дискурса в Российской империи и Советском Союзе. Тема ориентализма рассматривалась и в монографии Остина Джерсилда «Ориентализм и империя. Северокавказские горцы и грузинский фронт. 1845-1917». Приведенные в монографии цитаты из книги Зиссермана «Двадцать пять лет на Кавказе» вызвали у англоязычного редактора Питера Скиннера неумное желание прочесть ее, но для этого необходимо было преодолеть языковой барьер. Так появился перевод этой книги на английский язык и живой интерес к личности Арнольда Львовича Зиссермана.

А.Л. Зиссермана с детьми

Арнольд Львович происходил из семьи военного врача Льва Карловича Зиссермана (1803-1882) и Каролины, урожденной Беер. Родился Лев Карлович в пограничном с Российской империей городе-крепости Броды (Австрия), который с 1779 по 1880 годы имел статус «порто-франко» (вольного торгового города). Медицинское образование получил на факультете медицины, основанного в 1365 году Венского университета (старейшей медицинской школе в немецкоязычном мире и вторым медицинском факультете в Священной Римской Империи).

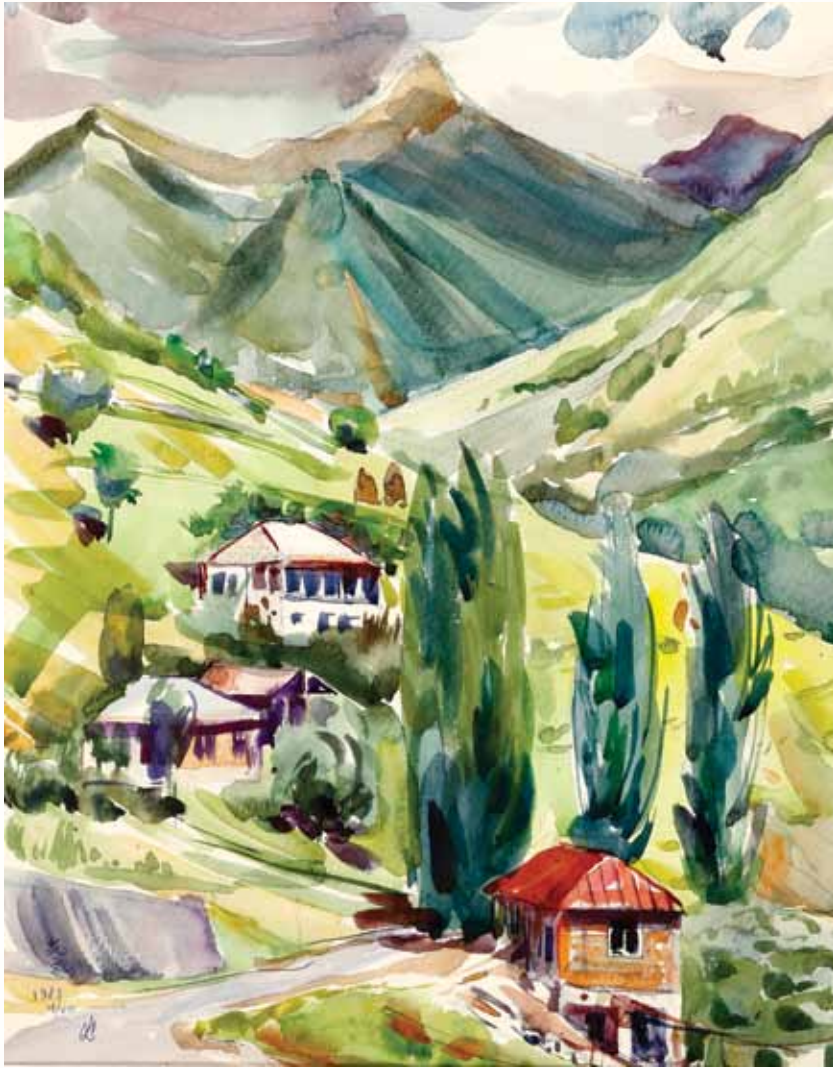
Гуанвень Лю-Кандарели. Пейзаж Тушети. Акварель

Лев Карлович состоял военным врачом на русской службе, и с получением чина VIII класса (коллежского асессора), обрел потомственное российское дворянство. Известно, что в Российской империи в 1722-1845 годах потомственное дворянство давалось согласно Табели о рангах: на военной службе, начиная с XIV класса; на гражданской службе – с VIII класса, а также при награждении любым орденом Российской империи. Дворянский род Зиссерманов был внесен в третью часть родословной книги Подольской губернии. 23 ноября 1824 г. у супругов в Каменец-Подольском, который в те времена входил в состав Российской империи, родился сын Арнольд. В семье было пятеро детей – за Арнольдом следовали его братья Юлиан, Генрих, Карл и сестра София. Семья была лютеранского вероисповедания, хотя за отсутствием поблизости лютеранского пастора, София была крещена по православному обряду и выросла в горячей преданности православной церкви. Насколь-

ко нам известно, их родным языком был немецкий. Наряду с немецким Арнольд Львович блестяще владел русским языком, на котором велось преподавание в Каменец-Подольской гимназии.

Романтик по натуре, Арнольд Львович с детских лет грезил путешествиями, много читал. Время ранней юности Арнольда Львовича Зиссермана совпало с периодом, когда господствующим направлением в русской литературе был романтизм, ярким представителем которого являлся А.А. Бестужев-Марлинский – один из первых создателей русской романтической прозы. Для своего времени и для последующих поколений декабристский романтизм прозы Марлинского занимал особое место среди читающей публики. Его сочинениями не только зачитывались, но их заучивали наизусть. В 30-х годах девятнадцатого века Марлинского называли «Пушкиным прозы, гением первого разряда, не имеющим соперников в литературе» (энциклопедия Брок-

гауза и Евфрона). Чем же замечательны кавказские повести Марлинского? Прежде всего глубоким и всесторонним знанием кавказского края, его истории, этнографии, фольклора. М.П. Алексеев, исследователь творчества Марлинского, изучив большой фактический материал, говорит об авторе «Аммалат-бека» как о прекрасном знатоке быта и природы Кавказа, замечательно осведомленном в наречиях и этнографии Кавказа. Известно, что внимательным читателем «Аммалат-бека» был Михаил Лермонтов, в юнкерском альбоме которого четыре рисунка являются иллюстрациями к этой повести. Не избежал влияния романтического обаяния кавказских повестей и рассказов Марлинского и Арнольд Львович Зиссерман. В полном восторге от «Аммалат-бека», «Мулла-нура», других рассказов и повестей о Кавказе Марлинского решил «бросить все и лететь на Кавказ, в эту обетованную землю с ее грозной природой, воинственными обитате-

Гуанвень Лю-Кандарели. Пейзаж Тушети. Акварель

лями, чудными женщинами, поэтическим небом, высокими, вечно покрытыми снегом горами и прочими прелестями, неминуемо воспламеняющими воображение семнадцатилетнего юноши, с детства уже обнаруживавшего чрезвычайную склонность к ощущениям более сильным, чем обыкновенные школьные забавы» («Двадцать пять лет на Кавказе»). Оставалось найти средства привести план в исполнение. Вдруг знакомый канцелярский чиновник, с которым Арнольд Львович заговорил о Кавказе, вспомнил, что согласно новому положению об этом крае, служащим в нем предоставляются льготы. Предварительно прочитав составленное сенатором бароном Ганом «Положение об управлении Закавказским краем 1840 года», они в начале декабря 1841 года отправили просьбы к тифлисскому губернатору о при-

нятии их на службу в его ведомство. Потеряв надежду на успех, так как никаких известий из Тифлиса не было (до 1936 года использовалось название «Тифлис», с 20 августа 1936 года принята форма «Тбилиси»), они стали подумывать о службе в Восточной Сибири, «лишь бы куда-нибудь подальше пропутешествовать и удовлетворить страсти к передвижениям и сильным ощущениям» («Двадцать пять лет на Кавказе»). Между тем в середине мая 1842 года в губернском правлении получили бумагу из Тифлиса о том, что их просьбы удовлетворены. С восторгом выслушав это известие, они после коротких сборов, получив подорожные и прогонные деньги, без малейших опасений за будущее, 30 мая 1842 года пустились в далекий путь. Можно представить себе беспокойство и протесты отца и матери, неиз-

бежные споры, которые происходили в семье, затем сборы семнадцатилетнего юноши почти на другой край света, на Кавказ, в Тифлис, в самый разгар Кавказской войны. Арнольд Львович поступил на службу в палату государственных имуществ в Тифлисе. Работа его состояла в бесконечном переписывании различных документов: «Это монотонное канцелярское существование не могло удовлетворять моей подвижной натуре, постоянно жаждавшей перемен, новых образов и ощущений. Вне службы я предавался чтению с каким-то запоем. «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», сочинения Марлинского, переводные романы Дюма, Сю и множество всякого печатного хлама, за недостатком тогда более питательной умственной пищи, проглатывались с жадностью. Город и его окрестности после первых, скоро исчезнувших впечатлений стали мне противны. Я рвался вон, куда бы то ни было, лишь бы побывать в новых местах, посмотреть поближе на тот Кавказ, который рисовала мне собственная фантазия, возбужденная очерками Марлинского, на те горы и дикие ущелья, где геройствовали наши войска – одним словом, где, казалось, должен быть другой, неведомый мир, полный всяких диковин и сильных ощущений», – писал Арнольд Львович в своих воспоминаниях («Двадцать пять лет на Кавказе»). Наконец, в 1844 году совершенно неожиданный случай познакомил его с Михаилом Ивановичем Челокаевым (Чолокашвили), начальником Тушино-Пшаво-Хевсурского округа в Тианети. А.Л. Зиссерман попросился на вакантную должность письмоводителя окружного управления, что давало ему возможность выбраться наконец из душной городской и канцелярской атмосферы в горы и дикие ущелья, к которым он так давно стремился. Получив назначение, в двадцатых числах июля 1844 года, проехав «уездный город Сигнахи, раскинувшийся в живописном беспорядке и другой уездный городок Телави, он прибыл в деревню Матани, где проживал М.И. Че-

локаев. Радушный хозяин и начальник выделил ему в своем доме комнату. Первые дни развлечений было немного, Арнольд Львович с удовольствием взбирался на высокие фиговые деревья за лучшими зрелыми плодами, и любовался оттуда прелестнейшим видом всей Алазанской долины. Канцелярские занятия, чтение, изучение грузинского языка и грамоты, разъезды, просиживания у дымных очагов в длинные зимние вечера, слушая рассказы старожиллов – вот в главных чертах картины того образа жизни, какую он вел в одном из заброшенных углов далекого края. Через год Арнольд Львович уже без акцента говорил по-грузински, умел читать и писать, нарядился в самый удобный и красивый, получивший право гражданства на Кавказе, черкесский костюм, обзавелся собственной верховой лошастью, оружием и всеми принадлежностями коренного джигита и довольно скоро стал искусным наездником. Он изъездил весь этот живописный горный округ, наблюдая нравы и обычаи местных племен. Его последующая карьера читается, как захватывающий роман: служба в Тианети, участие в строительстве дороги из Тианети в Тифлис для перемещения на повозках (до этого жители перемещались по узким и опасным тропинкам только верхом), особо хорошее отношение к нему Михаила Семеновича Воронцова, наместника на Кавказе, переход на военную службу, участие в любительском спектакле и т.д. Несмотря на молодость Арнольда Львовича (которому тогда было всего 19 лет), Челокаев всецело доверял ему и поручал много дел, включая разбор тяжб между жителями и даже участие совместно с местной гражданской милицией в полувоенных действиях против соседних «непокорных» горцев. За отвагу в одном из таких походов Арнольд Львович получил из рук самого М.С. Воронцова Георгиевский крест – небывалая вещь для гражданского чиновника! Об этом Арнольд Львович писал: «Наконец настало утро памятного мне 20 июля 1846 года. Около девяти часов

Гуанвень Лю-Кандарели. Пейзаж Тushети. Акварель

главнокомандующий вышел из своей комнаты на большую деревянную галерею, окружавшую дом, где толпились вся свита и множество разных князей, почетных жителей, чиновников из Телава, военных из лагеря, приветствовал всех весьма любезно и затем с генералом Вольфом подошел ко мне: «Мне очень приятно, любезный З., слышать о тебе (граф говорил «ты») молодым людям, которым хотел выразить свое расположение, и оскорбляться этим не только никому не приходило в голову, а напротив, это выходило у него как-то особенно дружески, приветливо) такие лестные со всех сторон отзывы; если бы большинство наших чиновников и офицеров по твоему примеру изучали языки и обычаи страны, то это очень облегчило бы нам всю задачу; к тому же ты еще такой лихой наездник и храбрый воин, что я с особенным удовольствием исполняю просьбу твоего начальника и назначаю тебя Георгиевским крестом, вполне тобой заслуженным». («Двадцать пять лет на Кавказе»). Во время встречи с жителями Тианети М.С. Воронцов избрал себе в переводчики Арнольда Львовича. Один из тианетских жителей заявил, что хотя «их долина весьма благодатна, хлеб родится прекрасно, сена много, лесу тоже, но они так замкнуты кругом гора-

ми, что никуда почти не имеют свободного сообщения, и сбыта всем их произведениям нет». Наместник незамедлительно решил эту проблему: расспросил подробно о направлении дороги к Тифлису, о ее протяженности и возможности ее расширения для повозочного сообщения, проверил тут же все на карте, сделал нужные распоряжения и приказал к его возвращению в Тифлис подготовить план и смету расходов. Так появилась дорога из Тианети в Тифлис, в строительстве которой деятельное участие принял Арнольд Львович Зиссерман. В 1847 году Михаил Иванович Челокаев внезапно умер, а с его преемником (Леваном Челокаевым) отношения не сложились. В 1848 году, без содействия М.С. Воронцова, Арнольд Львович был определен приставом в Элисуйское владение, где большинство населения составляли различные тюркские племена. Он довольно быстро овладел в совершенстве «татарским» (в то время «татарами» на Кавказе называли всех мусульман, а «татарским языком» – кавказский диалект тюркского и близкие к тюркскому языки, по словам Зиссермана он говорил на «адербиджанском наречии татарского языка»), что чрезвычайно повысило уважение местных жителей к нему. Элисуйское

Гуанвень Лю-Кандарели. Пейзаж Тушети. Акварель

владение раньше принадлежало султану Даниель-Беку, который был дружелюбно расположен к России и даже имел чин генерал-майора в российской армии. Но в 1844 году Даниель-Бек перешел на сторону Шамиля и бежал в горы. В горах было много «качагов», которые совершали дерзкие набеги на населенные места. Прежнего пристава они похитили из его дома в ауле Ках и убили, но это не смущало молодого искателя приключений. Пристав в те времена был и судьей и представителем власти, и Арнольду Львовичу приходилось разбирать много тяжб, сидя под развесистым деревом в саду своего дома в Кахе. Интересно заметить, что его помощником в те времена был некто Хаджи-Ага (или, как тогда писали, Гаджи-Ага), поручик российской армии, родом горец, который впоследствии прославился тем, что нанес смертельный удар Хаджи-Мурату, когда тот бежал от русских в 1852 году. Этот эпизод описан Толстым в его повести «Хаджи-Мурат». Во время посещения Элисуйского

владения М.С. Воронцов, обращаясь к Зиссерману, сказал: «Я слышу, любезный З., что ты успел в это короткое время уже выучиться по-татарски? Ну спасибо, что не теряешь напрасно времени... Представьте себе, Борис Гаврилович [Чияев (Чилашвили)], продолжал князь, между тушинами выучился по-грузински, здесь в несколько месяцев по-татарски, – удивительна я способность. Если бы нам побольше таких молодых людей, управление много бы выиграло». Михаил Семенович с улыбкой спросил: «А что ты все еще гражданский чиновник?» – «Точно так, ваше сиятельство, губернский секретарь», ответил Арнольд Львович. («Двадцать пять лет на Кавказе» с. 298).

В 1849 году, по ходатайству Воронцова, его перевели на военную службу, в чине корнета. Подробней об этом в письме Воронцова военному министру, князю Чернышеву: «Элисуйский пристав весьма часто должен собирать милицию, участвовать с нею в военных действиях и вообще делать по

военным обстоятельствам края распоряжения, могущие быть успешно выполненными только лицами, носящими военное звание. Должность эту занимает ныне губернский секретарь Зиссерман, который известен мне по отличной службе, порядительности и храбрости, оказанной им в Тушетии, при отражении набегов дидойцев, за что он и получил в 1846 году Георгиевский крест. Желая оставить именно сего чиновника, прошу исходатайствовать Высочайшее соизволение на переименование в корнеты, с состоянием по кавалерии». Чернышев составил доклад императору, в котором было написано, что «по существующим узаконениям Зиссерман никакого права на переименование не имеет, но в удовлетворение ходатайства князя Воронцова, в уважение заслуг сего чиновника, зависит единственно от Высочайшего соизволения». На докладе резолюция: «Высочайше повелено исполнить» («Двадцать пять лет на Кавказе», с.316).

В 1850 году А. Л. Зиссерман познакомился с князем

Александром Ивановичем Гагариным, Дербентским губернатором, которого перевели в Кутаиси на должность военного губернатора. Взгромоздившись на перекладную, пустился Арнольд Львович в путь к новым, еще невиданным местам в адъютанты к Гагарину. К большому сожалению Арнольда Львовича, жаждавшего военной службы, ему предложили почти гражданскую должность помощника уездного начальника. А.Л. Зиссерман прожил в Кутаиси до конца 1850 года, совершил вместе с А.И. Гагариным и в одиночку несколько весьма интересных поездок по всем направлениям Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии, входивших в состав Кутаисской губернии. Сопровождал А.И. Гагарина во время его ознакомительной поездки по губернии. Были они в Озургетах, в укреплении Николаевском, Поти, Анаклии, Редут-Кале, где пробыли двое суток, «угощаемые на славу местным тузом негодянтаном-греком Хионаки», далее в Очамчири, Самурзакано и Зугдиди – везде их встречали с почетом и большим радушием. Из этой поездки у Арнольда Львовича осталась память об особенном, в других местах Кавказа совсем не встречаемом, колорите: «густые девственные леса, громадные стволы деревьев, обвитых дикой виноградной лозой и плющом, развалины древних храмов и башен, тоже обросших плющом». А.Л. Зиссерман у губернатора был постоянным докладчиком и переводчиком массы просителей и жалобщиков, но все – и местность, и лица, и дела за это время, почти изгладилась из его памяти. Наиболее яркий, запечатлевшийся в памяти момент в жизни Арнольда Львовича этого периода, – сопровождение осенью 1850 года путешествующего по Кавказу наследника, будущего Императора Александра II. Он подробно описал, как встречал у Сурамского перевала и сопровождал цесаревича в полной драгунской форме, общей для всей Кавказской армии, при шашке на всем пути следования его кортежа у самых дверей переднего экипажа. Остановившись у Мелит-

ской станции, наследник обратился с речью к выстроенному вдоль дороги конвою, состоявшему из человека из полтора десятка имеретинских князей и дворян, в их оригинальных костюмах, с блинчиками (папанак) вместо шапок на кудрявых головах, в блестящем вооружении, на отличных маленьких лошадках. Арнольд Львович оглянулся, увидел, что им никто не переводил сказанных слов, и громко внятно передал им всю фразу цесаревича по-грузински. Позже, за обедом, цесаревич спросил: «Кто это у вас молодой офицер, так хорошо владеющий грузинским языком?» Ему назвали имя и добавили: «Этот молодой человек, пробыв несколько месяцев на Лезгинской линии также отлично выучился по-татарски» На это цесаревич ответил: «Да, если бы нам побольше таких молодых офицеров на Кавказе, польза была бы большая; их нужно поощрять». («Двадцать пять лет на Кавказе»). Чуть позже цесаревич имел возможность оценить и знание А.Л. Зиссерманом немецкого языка. Цесаревич обратился к нему с улыбкой: да Вы и по-немецки говорите?» – «Говорю, Ваше Высочество».

В январе 1851 года поручик А.Л. Зиссерман покинул Кутаисскую губернию, получив назначение адъютантом в третий батальон Дагестанского пехотного полка. Началась полковая жизнь: будни, учения фронтовой службы сменялись походами и боевыми действиями против горцев. Вскоре он был произведен в ротные командиры, пришлось держать долгие караулы по ночам.

В 1853 году в Темир-Хан Шуре произошел интересный эпизод в жизни Арнольда Львовича: совершенно неожиданно, ему предложили принять участие в любительском спектакле. Капитан Апшеронского полка князь Иван Романович Багратион, родной племянник героя Отечественной войны, Петра Ивановича Багратиона, с которым Арнольд Львович был знаком по встречам в походах, увидев его у генерала Семена Алексеевича Волкова, сказал: «Вот, ваше превосходительство, судьба посылает нам

Арнольд Львович Зиссерман

клад; такого «первого любовника» в целом Дагестане не найдете!» («Двадцать пять лет на Кавказе»). Багратион поспешил рассеять недоумение Арнольда Львовича. Оказалось, что они решили устроить любительский театр с благотворительной целью. Труппа составила такая, что с большим успехом могла бы выступать в любом провинциальном театре. Особенно хороша была женская труппа, благодаря супруге офицера, которая была актрисой. Недоставало только первого любовника; все кандидаты не удовлетворяли требовательного Багратиона. Арнольд Львович, мотивируя тем, что никогда в жизни не выступал на сцене, не умеет петь и «одержим робостью», отказывался от этой роли. Однако ему приказали остаться в Шуре, и принять участие в водевиле «Нет действия без причины». Так очутился он в столице Дагестана, «среди разгара самой кипучей, беззаботной веселости, между славными ребятами!» Жил он в квартире Багратиона. «Багратион – музыкант, певец, танцор, – одним словом, тип воспитанника школы гвардейских юнкеров или пажей и гвардейского кирасирского офицера сороковых годов – был избран

Иван Карлович и Петр Иванович Зиссерманы

режиссером и главным распорядителем; он же писал музыку для куплетного пения, он же обучал оркестр, он же направлял работы декораций, распределял роли и проч.» («Двадцать пять лет на Кавказе»). Роль Арнольд Львович выучил, на репетициях удостоивался одобрений и Багратиона и Волкова, аккуратно присутствующих на всех репетициях, но, очутившись на сцене, перед несколькими сотнями зрителей, сразу растерялся, затем робость исчезла и постановка имела большой успех. Целые три месяца провел он в Шуре, в качестве «первого любовника». Веселье шло каким-то запоем: то обеды, то балы в клубе, то вечера в частных домах, а главное – каждый день репетиции с завтраками – источник бесконечных забавнейших сцен, сплетен, мелких интриг, анекдотов. С наступлением великого поста театр прекратился, и Арнольд Львович отправился в свою роту. В Дагестане А.Л. Зиссерман принимал активное участие во многих военных действиях, был ранен, участвовал вместе с генерал-фельдмаршалом А. Барятинским во взятии Гуниба и сдаче Шамиля в плен в 1859 году. Подробно и в интересной форме опишет Арнольд Львович процесс сдачи имама царским войскам. Новый главнокомандующий Кавказской армией, наместник, князь А.И.

Барятинский ценил деятельного, скромного офицера и давал ему много необычных поручений. Одним из них была даже миссионерская работа! Несмотря на лютеранское вероисповедание, ему было поручено проведение ряда мер по восстановлению православия среди отпавших осетин. В 1861 году, в чине подполковника, он был назначен командиром 1-й бригады Кубанского Войска, со штаб-квартирой в станице Ладожской.

В 1865 году Арнольду Львовичу Александром II был пожалован в награду за службу на Кавказе и преимущественно за боевую деятельность во время Кавказской войны, в вечное и потомственное владение участок в 1000 десятин (приблизительно 1100 га) на северном берегу реки Зеленчук (приток Кубани), где он основал имение «Награда», вблизи которого сейчас находится хутор его имени Зиссермановский. Он построил небольшой дом и развел сад и виноградник, но долго ему там жить не пришлось: вскоре он вышел в отставку и переехал в Петербург.

С ранней молодости у Арнольда Львовича проявился писательский талант. Он вел дневник, в котором детально описывал многочисленные и красочные происшествия своей жизни. В 1846 году по инициа-

тиве М.С. Воронцова в Тифлисе стала издаваться политико-литературная газета «Кавказ», «...предназначенная для распространения в крае полезных сведений и современных известий... для ознакомления России с особенностями жизни, нравов и обычаев племен, населяющих Кавказский край». А.Л. Зиссерман решил попытать себя на литературном поприще и послал в газету свои заметки о набегах дидойцев и действии против них (за которое он получил Георгиевский крест). Заметки были напечатаны. Так двадцатидесятилетний Зиссерман стал журналистом. С тех пор он регулярно посылал сообщения в «Кавказ», а затем и в такие столичные журналы, как «Современник», «Русский Архив», «Русская Старина» и другие. В Петербурге он главным образом занимался литературной деятельностью: работал над биографией Кавказского Главнокомандующего князя Александра Ивановича Барятинского; историей 80-го Пехотного Кабардинского полка и над книгой воспоминаний «Двадцать пять лет на Кавказе». В течение 1876-1878 годов в «Русском вестнике» печатались отрывки из воспоминаний Арнольда Львовича Зиссермана о долголетней службе на Кавказе. Позже он решил издать «воспоминания» с некоторыми исправлениями и дополнениями – отдельной книгой, разделив ее для удобства на две части, с тем чтобы всем, служившим на Кавказе напомнить давно минувшие дни. Он писал: «Кавказ прежних времен имел свойство так привлекать к себе всех, проводивших в нем несколько лет, что привязанность к нему не исчезала и после долгого времени, проведенного в других местах. Таким старым кавказцам дороги всякие о нем воспоминания, и их-то (а число их, рассеянных по всем уголкам нашего обширного отечества, очень значительно) имел я главнейше в виду, составляя мой посильный труд». Книга эта, увидевшая впервые свет в 1879 г., представляет собой яркий образец мемуарной литературы.

В 1889 году, желая уйти на покой в деревню, он приобрел небольшое имение недалеко от сельца Лутовиново Тульской губернии, в 12 километрах от

имения Толстого Ясная Поляна. Два писателя встречались и не единожды в Лутовиново и в Ясной Поляне. Они беседовали о Кавказе и кавказцах, об общих знакомых на Кавказе, где Толстой был в 1851-1854 годах. Чаще всего разговор у них заходил о Хаджи-Мурате, которого особенно почитал Арнольд Зиссерман, о Шамиле, о генералах и солдатах. Об особом интересе к творчеству друг друга говорит тот факт, что А.Л. Зиссерман подарил Л.Н. Толстому свою книгу «25 лет на Кавказе» с автографом, а последний, в свою очередь, – полное собрание сочинений. Воспоминания Арнольда Львовича о кавказских походах и в особенности о Хаджи-Мурате были чрезвычайно важны для Толстого. Этой книгой Толстой пользовался как источником при написании «Хаджи Мурата». Примечательно, в личной библиотеке Л.Н. Толстого имеются две части труда А.Л. Зиссермана «Десять лет на Кавказе», опубликованные в журнале «Современник» в 1854 году: октябрьский (N10) и ноябрьский (N11) с двумя загнутыми уголками: по одной в каждом номере (N10 – с. 118; N11 – с. 1). Отдавая должное гениальному писательскому таланту Л. Н. Толстого, А.Л. Зиссерман не разделял его религиозно-философских воззрений. В письме П.И. Бартеневу от 21 марта 1892 года А.Л. Зиссерман пишет: «...Как вам нравится дело «Московских Ведомостей» с гр. Л.Н. Толстым? При всем моем поклонничестве великому таланту моего великого соседа Льва Николаевича, я, однако, решительно становлюсь на сторону «Московских Ведомостей». – Господи, до чего может договориться человек, возгордясь и самовознесясь до роли пророка, основателя новой религии, реформатора всемирного общественного строя и т.п.! Какой славы, какого еще венка, какого больше права на памятник нужно было автору бесподобных произведений – «Войны и мира», «Анны Карениной», «Казаков», «Севастополя» и Кавказских очерков и проч. и проч. ...».

Жизнь Арнольда Львовича оборвалась трагическим образом 4 (16) сентября 1897 года: на

него при рубке леса в его имении упало дерево. В последние годы жизни он плохо слышал и не отреагировал на окрик сына. Похоронен в селе Кишкино Тульской обл., внутри церковной ограды. Могила не сохранилась, так же, как и дом Арнольда Львовича в селе Лутовиново. Журнал «Русский Архив» писал: «Труды Зиссермана на боевом и мирном поприщах останутся навсегда памятны русским людям».

Арнольд Львович не был единственным из семьи Зиссерманов, кто посвятил годы жизни службе на Кавказе. Когда Арнольд Львович прочно обосновался на Кавказе, за ним туда последовала вся семья – братья, сестра и даже родители. Отец дослужился до чина статского советника и к концу своей карьеры был старшим ординатором Пятигорского военного госпиталя. Интересовался бальнеологией и опубликовал несколько научных статей на эту тему. Следует особо отметить младшего брата Арнольда Львовича, Карла. Вот, что пишет о нем его племянник Владимир: «...он окончил Киевский университет и долго служил по администрации на Кавказе. Обладал блестящими способностями, которые, в соединении с тактом, трудолюбием и обликом истого джентльмена, быстро выдвинули его по службе». Службу Карл Львович начал в 1859 году, в судебном департаменте главного управления кавказского наместника. Как член Тифлисского распорядительного городского правления, комиссии о мостовых при строительном отделении Тифлисского губернского правления, особой комиссии, образованной для определения границы городской черты Тифлиса и как правитель канцелярии Тифлисского губернатора, Карл Львович внес существенный вклад в благоустройство Тифлиса. Кроме того, он принимал участие в комиссии по устройству Кавказского коннозаводства. Являлся редактором «Сборника статистических материалов по Тифлисской губернии». В 1876 году был назначен ставропольским вице-губернатором, а через шесть лет – губернатором. За время управления губернией Карл

Владимир Арнольдович Зиссерман

Львович принимал все меры по улучшению благосостояния вверенного ему края. В 1887 году его перевели на должность Тифлисского губернатора. Скончался в 1888 году, ему было 49 лет. Сын Карла Львовича, Иван с 1888 года занимал должность обер-офицера для делопроизводства по военной части при Кутаисском военном губернаторе; с 16 декабря 1895 года – столоначальник канцелярии Главного по военным нарядам управления Кавказского края; с 1900 г. – член Кутаисского губернского по крестьянским делам присутствия; на лето 1916 года – генерал майор. Умер в эмиграции в Египте. У Ивана Карловича было несколько детей. Один из них, Петр Иванович Зиссерман – пушкинист, родился в Кутаисской губернии в 1888 году. Остался в СССР. В Петрограде с октября 1926 по июль 1930 года был научным сотрудником Пушкинского Дома. Проходил по «делу Пушкинского Дома». После обыска в квартире был арестован и расстрелян.

Дом П.А. Зиссермана в г. Любим Ярославской обл.

Несколько его работ опубликовано в сборнике «Пушкин и его современники».

Что касается остальных детей Льва Карловича Зиссермана, то Юлиан был ротмистром Переяславского драгунского полка. Уйдя в отставку, являлся неперенным членом Дворянского Земельного банка в Тифлисе. Генрих, после окончания Киевского университета, долгое время служил прокурором Ставропольского окружного суда и, как пишет в своих воспоминаниях младший сын Арнольда Львовича, Владимир, «составил себе известность, главным образом, как остряка-каламбурист». София была замужем за подольским дворянином польского происхождения, Руденко-Сахновским, имела двух сыновей, которые принимали участие в русско-турецкой войне.

Сам Арнольд Львович обзавелся семьей в возрасте тридцати пяти лет. В 1859 году его очаровала 17-летняя воспитанница Смольного института благородных девиц, Анна – дочь Василия Ивановича (Петера Вильгельма) фон Смиттена – начальника финансового департамента управления кавказского наместничества, родом из старинной семьи эстляндских (эстонских) дворян шведского происхождения. Анна Васильевна не осталась равнодушной к ухаживаниям энергичного

и умного офицера с боевыми орденами на груди, и они поженились. У них было четыре дочери и три сына. Старшая дочь Елена, к безутешному горю родителей, умерла в возрасте 22 лет в Тифлисе. Вот что пишет о ней в своих воспоминаниях ее младший брат Владимир: «Затрудняюсь достаточно выразительно описать эту замечательную девушку – природный ум, чутье, такт, начитанность, знание языков, изящество повадки, благородство чувств и взглядов, любовь к родителям, сестрам и братьям, наконец, чудесное soprano, музыкальность – все гармонично сочеталось в незабвенной Леночке». Следующие две дочери – Ольга и София – вышли замуж за двух братьев, остзейских баронов Оскара и Германа Тизенгаузенов. Затем следовал сын Василий – профессиональный пианист и преподаватель музыки. Следующий сын – Павел – был большим оригиналом. Во время русско-японской войны командовал казачьей сотней, участвовал во многих сражениях, получил ряд орденов и наград. Уйдя в отставку, женился и уехал на родину жены в Ярославскую губернию, где выстроил себе невероятный замок в готическом стиле. Замок этот был местной достопримечательностью, но в 1960-ых был разобран «по кирпичику», как пишет одна местная жительница. Остался только роскошный

парк. Павел Арнольдович мнил себя чуть ли не каким-то тевтонским рыцарем. Погиб в Киеве в Гражданскую войну. Младший сын – Владимир, окончив юридический факультет Московского университета, служил в Государственном Банке. Выйдя в отставку в 1907 году, постоянно жил в Лутовинове, занимался сельским хозяйством, был земским начальником. Когда разразилась Первая Мировая война, он добровольцем ушел в действующие войска. Революция застала его на турецком фронте, откуда он с группой солдат и офицеров был переброшен на Дальний Восток, где присоединился к белому движению. По окончании Гражданской войны переехал в Харбин, где долгое время служил на Китайской Восточной железной дороге и, после оккупации Маньчжурии Японией, на Южно-Маньчжурской железной дороге. Из детей Владимира стоит особенно отметить его третьего сына – Павла. Вторая мировая застала его в Бельгии. Он был схвачен фашистами и заключен в концентрационный лагерь, откуда ему удалось бежать и присоединиться к группе французских партизан в Савойе. Павел Зиссерман героически пал в 1942-м году недалеко от деревни Le Petit Bornand, прикрывая отступление своих товарищей. Благодарные французы укрепили на скале памятную доску. Жизнь младшей дочери Арнольда и Анны Зиссерман – Евгении – сложилась нелегко. Она хорошо знала иностранные языки и всю жизнь преподавала их, даже изобрела свой собственный «жизненный метод» преподавания. Но муж ее был слаб здоровьем, и они очень нуждались. Она умерла в 1931 году. Потомки Владимира теперь разбросаны по всему миру. Двое внуков (один из них – соавтор этой статьи) живут в Австралии, один – в США, остальные – в Англии, Франции и Швейцарии. Потомки Евгении – единственные, оставшиеся в России – находятся в Иркутске и Красноярске. Но всему этому поколению дорога память об их замечательном предке.

Г. Гагнидзе и студенческий хор Тбилисской консерватории

ПОСЛАНИЕ БУДУЩЕМУ ПОКОЛЕНИЮ

■ **Лия БУАДЗЕ**

Мне трудно подобрать название тому, что происходило в консерватории 12 декабря 2019 года. Да, по своей форме это был концерт, посвященный юбилейной дате – 95-летию двух выдающихся деятелей искусства: поэта Анны Каландадзе и композитора Мери Давиташвили. Вместе с тем это была презентация юбилейного музыкально-поэтического и художественного сборника «Тбилисские зарисовки», состоящего из стихов, нот песен, иллюстрированного известной художницей Кети Матабели. Зрителю была предоставлена возможность в живом исполнении послушать стихи и романсы и в оригинале ознакомиться с иллюстрациями, экспонированными на персональной выставке К. Матабели в фойе Большого концертного зала консерватории.

Зал был переполнен. Публику объединяло возвышенное чувство патриотизма, боль в сердце и слезы на глазах. Тому есть причина. После посещения выставки, до входа в концертный зал, зрителей встречала и как бы приглашала на концерт добродушно улыбающаяся Манана Давиташвили – автор проекта...

но увы, к глубочайшему сожалению – только с фотоснимка.

Присутствие на концерте, беседа со всеми единомышленниками принимавшими участие в создании сборника и проведении концерта, помогли найти название этому грандиозному проекту.

Начнем с обложки сборника. На темно-бордовом фоне (активно используемый цвет как в грузинском народном декоративно-прикладном искусстве, так в национальном костюме) будто всплывают фрагменты замечательных видов старого Тбилиси кисти художницы Кети Матабели, а в центре – надпись «Тбилисские зарисовки» не печатным шрифтом, а каллиграфией, что создает определенное настроение. Тут же следует отметить роль дизайнера Кетеван Гогава в достижении единого художественного эффекта.

Значимым компонентом сборника является текст писателя, доктора философских наук Мамуки Долидзе, который коротко, но объемно описывает историю творческого содружества двух величин грузинского искусства – поэта Анны Каландадзе и композитора Мери Давиташвили, при-

знанными на родине королевами поэзии и музыки. Письмо автор именуется «Счастливой встречей», исходя из творческого результата этой встречи, оставив будущим поколениям ценное поэтическое-музыкальное наследие, которое обогатила выдающаяся художница Кети Матабели.

К сборнику приложен диск с песнями в исполнении лауреата международных конкурсов Георгия Гагнидзе (баритон), Тинатин Мамулашвили (сопрано), Ирины Таборидзе (сопрано), Виктории Чаплинской (фортепиано), студенческого хора Тбилисской государственной консерватории, руководитель Лия Чонишвили.

В сборнике грузинский текст сопровождается транскрипция латиницей, что способствует популяризации за пределами Грузии.

Приложением сборника является календарь 2020 г. с иллюстрациями К. Матабели и замечательным текстом М. Долидзе. Несколько слов о сборнике.

Это не просто иллюстрированный сборник стихов и нот, соединяющий поэзию, музыку и живопись. Это единство мышления, олицетворение восприятия мира, вечного зова святых, предков, традиций, героев – защитников родины, интеллектуального и материально-природного наследия. Такое возвышенное, утонченное выявление любви к родине рождает ответ на часто возникающий вопрос: как нам, представителям

Солирует Ирина Таборидзе, за роялем - Виктория Чаплинская

одной из древнейших цивилизаций, наряду с языком и письменностью, удалось сохранить собственное мировоззрение – способ восприятия вселенной, ощущения цвета и звука... все, что именуется живым национальным духом, генетической энергией? Вечный зов сразу дает ответ: мы не сдаемся, чтобы сохранить язык родной, землю нашу, веру нашу, дар любви и милосердия. И передается этот дар от поколения к поколению благодаря таким личностям, какими являются инициаторы и участники этого замечательного проекта.

Вечный зов поэзии Анны Каландадзе призывает углубиться в красоту природы. В ее лирических стихах цвет растений, птиц, рек, гор являются символом ощущения родной природы, родной земли, а небо... («Ты так глубоко, небо Грузии, ты так глубоко!») символ всей истории Грузии и того, что происходило под этим небом. Эти стихи для своих романсов тщательно подобрала подруга детства и почитательница таланта поэтессы Мери Давиташвили. Принцип выбора очевиден. Это трепетность чувств к таким темам, как история борьбы грузинского народа за сохранение христианства, борьбы против завоевателей, против насильственной и искусственной ориентализации.

«ХОТЬ И ДЕВОЙ, НО ЦАРИЦЕЙ ПОРОДИЛ ЕЕ ТВОРЕЦ»

Многоголосие – одно из важных явлений богатого культурно-

го наследия Грузии, представляет собой символ единства, бытия вместе, созидания. Ощущение этого уникального феномена вызывает сплоченная команда профессионалов, которая сделала все для осуществления проекта. После долгих раздумий над заголовком этой главы, сам Руставели пришел на помощь. Так получилось, что все члены этой уникальной группы – представители прекрасного пола.

В 1924 году родились две девочки: Анна – 15 декабря в деревне Хидистави (Чохатаурский район) и Мери (Мариам) – 13 марта в Тбилиси, но... случилось то, что должно было случиться. Их семьи временно переехали в Кутаиси, где и произошла знаменитая «счастливая встреча», которая в результате творческого содружества, переросла в «вечный зов будущему поколению».

Анна Каландадзе обожала и ценила «сильную и умную деревню» со своей естественной красотой, чудом сохранившимся богатым материально-природным и культурным наследием. Следовательно, в ее глубоко патриотических стихах, которые основаны на воспроизведении исторических событий, возвышенных и печалью завуалированных романтических ощущений любви, везде доминирует цвет и природа. Патриотизм поэтессы отображает все основные свойства патриотизма нашего народа: это доброта, самоотверженность, непокорность, непоколебимость, величие, дар любви

и милосердия. Вспоминаются впечатления Беллы Ахмадулиной во время работы над переводом стихов А. Каландадзе. «Тема истории Грузии неотделима для поэтессы от природного облика родной страны». Она называет ее «сообщником природы» в своем стихотворении-посвящении «Анне Каландадзе».

«Вот мы – соучастники сборищ.
Вот Анна – сообщник природы,
всего, с чем веки не споришь,
лишь смотришь – мгновенья и
годы.

У трав, у луны, у тумана
и малого нет недостатка.
И я понимаю, что Анна –
явленье того же порядка».

Мери Давиташвили является ярким примером личности, которая полностью осознала свою миссию в деле развития национального музыкального наследия. Она ценила качество советского музыкального образования, но это не мешало ей видеть опасность в принципах данного образования. В своих выступлениях и публикациях она подчеркивает, что «росла в такой семье, где знали и музыку, и поэзию, и природу, и историю, а главное – любовь к Грузии. Всему этому я научилась у себя, дома». «Грузинской музыкальной литературы было очень мало. В основном дети росли на русской музыке тогда, как у нас очень богатые традиции музыкальной культуры... и вот я начала работать над детским репертуаром». «Для меня музыка имеет большой смысл в деле воспитания...». «Считаю, что дети должны воспитываться на основе национальных произведений. Хорошо, что у них есть возможность слышать уникальные народные песни, но этого не достаточно, они должны расти вместе с вокально-инструментальными произведениями современных грузинских композиторов».

Мери Давиташвили оставила богатое музыкальное наследие: произведения для музыкальных театров, симфонические, камерно-инструментальные, камерно-вокальные и хоровые произведения. Однако то, чем она завоевала особое, можно сказать, собственное место среди композиторов Грузии, это

детская музыка. Премия имени Шота Руставели ей присвоена за детскую оперу («Нацаркекиа», 1982 г.)

Однако осмелюсь обратить внимание на один важный момент. Мери Давиташвили в течение многих лет, наслаждаясь поэзией своей ближайшей подруги и единомышленницы, черпая эмоции из ее стихов, тщательно выбирая их для создания музыки, называет никак иначе, как «песни для меня». Тамар Кванталиани, невестка композитора показала мне сборники стихов Анны Каландадзе, в которых были помечены стихи. Их много. Здесь два объяснения: ноты на выбранные стихи пока не обнаружены, возможно, они найдутся, а может быть, у заботливого и обожаемого детьми композитора не было достаточного времени, чтобы позволить себе роскошь сочинять «песни для себя».

Иллюстрировать цикл «песни для меня» пришлось художнице уже следующего поколения. Осуществление визуализации данного музыкально-поэтического создания художницей Кети Матабели настолько естественно и логично, что исключает существование оформления другого образа и типа. Ее философско-психологическое восприятие христианства и истории Грузии в унисоне с мировоззрением поэта и композитора, а освоение традиций как духовного изобразительного искусства – иконописи, монументальной живописи, так и многовекового светского искусства рукописей, каллиграфии и т.д. дает силу автору превратить «Тбилисские зарисовки» в летопись, нам же, зрителям – воочию ощутить все богатство и прелесть веков прошедших, о чем с такой любовью рассказывают «песни для меня».

Трех замечательных женщин объединяет не только сборник «Тбилисские зарисовки», А. Каландадзе, М. Давиташвили, К. Матабели являются лауреатами премии имени Шота Руставели. Кети Матабели признанный иллюстратор поэмы «Витязь в тигровой шкуре», которая стала вечным спутником ее творчества не только художественно-эмоциональном, а также интеллектуальном. На основе научных исследований Виктора Нозадзе

и Звиада Гамсахурдиа, а также иллюстраций Мамуки Тавакарашвили древнейшей датированной рукописи «Витязя в тигровой шкуре» (1646 г.), К. Матабели по-своему переосмыслила бессмертную поэму и создала своеобразный, собственный тип коллажей, которые назвала так: «Фолианты Кети». В архиве М. Давиташвили сохранена запись воспоминаний: «Случайно обнаружила стихотворение ахалцхского поэта Дурмишхана Беридзе. Я была удивлена... для меня огромное значение имеет текст, если он не коснется моей души, ничего не смогу написать... Шота Руставели молится и просит Бога спасти Грузию... сразу сочинила мольбу для хора и солиста».

Кети Матабели рассказала мне трогательную историю встречи с Анной Каландадзе. «Однажды на творческом вечере поэтессы я подарила ей созданную мной икону Цилканской Богоматери. В следующий раз я опоздала на встречу и увидев мое обеспокоенное лицо, королева поэзии меня утешила словами, которых никогда не забуду: «Не переживайте, нам Богоматерь устроит встречу»... Во время ее панихиды, входя в комнату, сразу заметила над ее письменным столом висящую икону Богоматери, которую я ей подарила».

По моему глубокому убеждению, эта встреча уже состоялась, когда художница иллюстрировала стихотворение А. Каландадзе «Молитва Тамар», вошедшее в юбилейный сборник вместе с ро-

мансом М. Давиташвили – «Царь Тамар умоляет Богоматерь защитить Грузию от врагов». Я уверена, что эта встреча не последняя.

Показателем единства представленных в сборнике романсов и стихотворений можно считать ответ художницы на мой вопрос: «Что сильнее повлияло на художественное воображение – слова или музыка?», ответ К. Матабели: «Не могу выделить. В доме композитора я хорошо ознакомилась с книгами стихов Анны Каландадзе с дарственной надписью автора, где ясно видно, как усердно работала над текстом автор будущих песен, будто искала засеянные в словах мелодии. До меня доходили звуки музыки и поэзии вместе».

Этим все сказано. Идея творческого содружества принадлежит другой замечательной женщине, Тамар Кванталиани, которая выразила желание юбилейной дате Мери Давиташвили и Анны Каландадзе посвятить выпуск иллюстрированного сборника. Для осуществления этой цели она обратилась к Манане Давиташвили. Она, являясь основоположником и директором «Центра развития академического искусства», заново переосмыслила не только выпуск сборника, а расширила цель, масштабы и художественные средства празднования юбилейной даты, включая концерт в зале консерватории.

Организацию концерта доверили профессионалу Виктории Чаплинской, которая приложи-

Поэт Тинатин Мамулашвили

Кети Матабели. Иллюстрация к сборнику «Тбилисские зарисовки»

ла все усилия для того, чтобы не подвести Манану, которой, к великому горю и сожалению, не посчастливилось насладиться блестящим результатом своей работы. Что касается юбилейного концерта, и на этот раз Мананой был сделан точный выбор. Виктория Чаплинская – блестящее олицетворение личности, в которой профессиональные свойства концертмейстера быть всегда рядом, в форме и начеку, переплетаются с чисто человеческим чувством верности, любви и самоотдачи. С гордостью и одновременно со слезами на глазах знакомит она меня с совокупными усилиями многих людей, которых собрала Манана и объединила с целью «пропаганды грузинской музыки во всем мире, возрождения духовности в грузинском народе, ощущения гордости от того, что мы растем на тех корнях, которые именуются Анной Каландадзе и Мери Давиташвили, показать всему миру что мы живая нация древнейшей цивилизации». Это

слова Виктории Чаплинской, для которой «быть грузином – это не национальность, а состояние души». Творческое содружество Виктории Чаплинской с Мананой Давиташвили началось в 2006 году на фестивале «От Пасхи до Вознесения». До того ее первым проектом был вечер грузинской классической музыки в театре Марджанишвили, где она выступила с большим успехом и с этого момента Виктория Чаплинская активная участница всех мероприятий, организованных Мананой Давиташвили. С таким же чувством уважения и скорби вспоминает Кети Матабели первую творческую встречу с Мананой Давиташвили, которая пригласила ее иллюстрировать «медитации» Лианы Исакадзе и стихи Тамаза Чачава, а также принимать участие в выставках, проводимых в рамках региональных и международных фестивалей под художественным руководством Лианы Исакадзе.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Манана определила всех участников концерта, назначила место и время проведения юбилейного вечера, а режиссером пригласила Наргизу Гардапхадзе. Почувствовав ослабление физического состояния, чтобы довести до конца задуманное в назначенное время, по ее просьбе к организационной группе присоединилась музыкант, профессионал своего дела Нино Ушкишвили. Все шло своим чередом: Лела Думбадзе и Мамука Долидзе работали над переводом стихотворений на английский язык, Кетеван Гогава – над дизайном сборника, Леван Гоциридзе – над его технической стороной, Виктория Чаплинская – над организационными вопросами концерта и вдруг... 13 ноября Мананы не стало...

Все объединились, собрав мужество и силы, чтобы завершить ею начатое. За несколько дней до концерта, после головокружительно успешных гастролей, чтобы записать романсы на диск приехал из США Георгий Гагидзе. Лауреат международных конкурсов, премьер мировых оперных сцен, который только в Метрополитен-опера принимал участие в более чем ста спектаклях, с большим энтузиазмом включился в патриотический проект. Вместе с ним честь исполнить произведения юбиляров выпала на долю молодых солисток Тбилисского оперного театра Тинатин Мамулашвили и Ирины Таборидзе, которые совершенно по-новому переосмыслили эту музыку. Партию фортепиано исполняла Виктория Чаплинская. Заключительным аккордом было выступление студенческого хора Тбилисской консерватории под руководством видного дирижера.

На сцене, украшенной портретами юбиляров – Анны Каландадзе кисти Ираклия Тоидзе и Мери Давиташвили кисти Нелли Чиковани, был установлен экран для демонстрации иллюстраций Кети Матабели во время исполнения каждого романса. Перед выступлением вокалиста актер Георгий Чачанидзе читал стихи Анны Каландадзе.

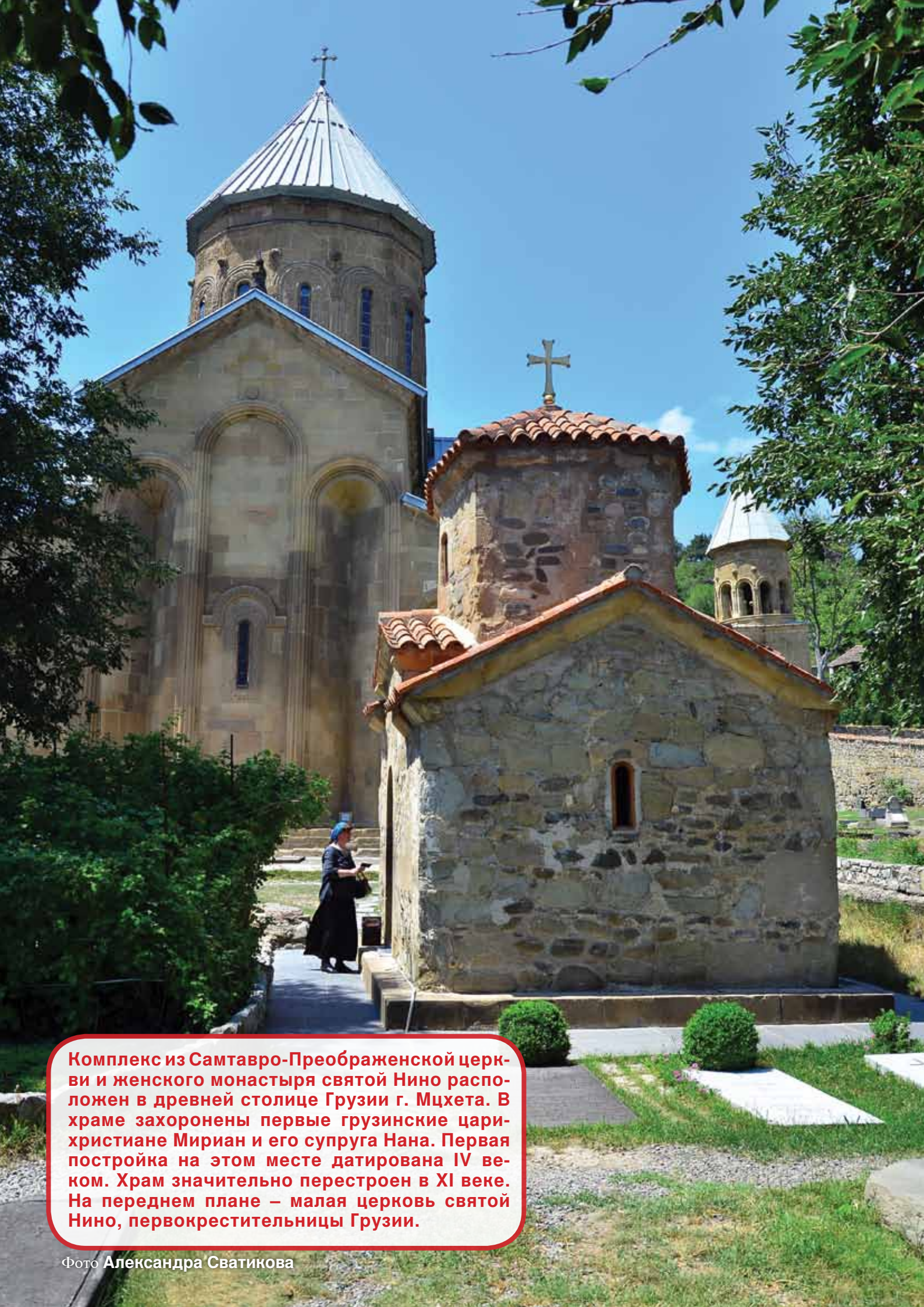
Фото: Геннадий ГАБОДЗЕ

SINCE 1884

SARAJISHVILI

სარაჯიშვილი

Комплекс из Самтавро-Преображенской церкви и женского монастыря святой Нино расположен в древней столице Грузии г. Мцхета. В храме захоронены первые грузинские царихристиане Мириан и его супруга Нана. Первая постройка на этом месте датирована IV веком. Храм значительно перестроен в XI веке. На переднем плане – малая церковь святой Нино, первокрестительницы Грузии.